

Ярослав Таран

Интерактивное искусство как новая реальность

Сборник эссе об интернет-культуре и свободе

2010-2017

Оглавление:

I	Творчество как диалог, или свобода слова	стр.2
II	Индивидуализация – одноразовая свобода	стр.21
III	Свобода равно деньги	стр.28
IV	Мы все предатели	стр.31
V	Богочеловеческий и человекобожеский синтез	стр.36
VI	Интерактивное искусство – Солярис	стр.56
VII	Солярис как зримое отображение выбора между Раем и Адом ..	стр.69
VIII	Интерактивное творчество как богопознание	стр.72

I

Творчество как диалог, или свобода слова

1.

Маргинализация поэзии в современной культуре – симптом вырождения или перехода в новое качество?

зарисовки на обочине

Бедные поэты. Поэзию выдавили на обочину, сделали из неё маргинальную, никому ненужную область культуры. Не все души справляются с таким положением, происходит маргинализация психики, отрыв от обратной связи, от здоровой творческой среды, неспособность к адекватному восприятию себя и своих текстов, неспособность вести нормальный диалог, асоциальность, фантомы и фобии. Это – симптом. Не только для культуры, но и для судьбы людей.

Поэзию согласны терпеть только в качестве песенных текстов. То есть – в подсобной роли. Это совсем другая стилистика и другой жанр.

Поэзия – как таковая – считается мозговой игрой интеллектуалов, уделом спецов-искусствоведов. Крайний угол – оторванный от жизни. Или – графоманией.

Настоящая поэзия вся в прошлом, как архитектура. (Так думает, не задумываясь, большинство читающей публики.)

Люди, живущие в новых районах и созерцающие с детства примитив архитектурных форм, другие. Кто с детства жил среди прекрасной архитектуры прошлых веков, тот знает, что эти люди – другие.

Тех же особей, кто не может жить без *вечного чтения* подлинной поэзии, как не может жить человек без общения с природой, становится всё меньше. Отмирает сама потребность в созерцании высшей формы речи. Эта речь стала недоступной и ненужной: все смыслы жизни можно передавать друг другу и проще, и понятней.

«Архитектурные излишества» поэзии кажутся душевным балластом, в лучшем случае – изысканной эмоциональной пищей. Духовная и умственная необходимость речи, состоящей из «смысловых аккордов» (строф), для понимания высших смыслов, доступных человеку на земле, становится не более очевидной, чем для дикаря необходимость изучения письма (зачем? всё, что нужно человеку, можно передать изустно: это и живее, и понятнее, и добрее). Читать стихи – это дышать. В самом прямом смысле слова.

Высшая форма речи – поэзия – и есть подлинная свобода слова.

Высшая форма эроса и есть свобода любви.

Разврат – умаление, истребление прежде всего свободы любви.

Умаление поэзии в культуре – это истребление свободы слова. (Кому и зачем это нужно, объяснять уже нет смысла: надо прочувствовать на собственной шкуре. Увы, человек учится урокам истории на судьбах своих детей.)

Потребность в поэзии – как высшей форме письменной речи – отмирает. Но – удивительно! – начинается обратный процесс, человек выходит к поэзии с «чёрного хода», напролом, нахрапом, насильничаньем. Значит, страсть и потребность эта неистребима, она лишь извращается, как извращается, охладевая, любовь-эрос, превращаясь в «занятие сексом».

Исчезает читатель стихов – и появляются тысячи пишущих стихи.

Все дети рисуют, но мало кто из них интересуется живописью – как искусством. Есть смутная потребность, но встреча с искусством не становится *жизненным событием*.

Уважать пишущего стихи стало трудно. Его желание поделиться написанным – простительная слабость человеческого тщеславия. Писать картины, музыку, снимать фильмы, играть в театре – этому надо учиться, не каждый может. А стишки кропать может любой, чему тут учиться? Вот и кропают. Сотни и сотни тысяч стихов и поэтов заполнили Сеть. Что-то в этом есть, и не только дурное. Странная и новая болезнь...

Печально другое: чем больше пишут, тем меньше читают. Может, это временно?

Впрочем, всё уродливое в нашем мире временно.

Не раз ловил себя на чувстве: если кто-то признаётся, что пишет стихи (ах, как бы прозу! а ещё лучше – публицистику или философские трактаты! – не каждый может, тут знания нужны, эрудиция, это не стишки), то сразу как-то снисходительно начинаешь на него поглядывать: ну, ничего-ничего, рисуй, деточка: точка, точка, запятая...

Как-то становится стыдно за него: такой большой – и такие глупости. И вообще – неловко, лучше бы промолчал. (Мало ли, чем мы там втихаря занимаемся, зачем же об этом вслух?)

А уж если несчастный ляпнет, что он поэт (да ещё – так, как раньше говорилось – с теми же интонациями: поэт, ты царь... и прочие обострения), то перед вами – просто дурак.

Других вариантов нынешний социум не оставляет. Либо сиди в углу с такими же отщепенцами, помалкивая в тряпочку о своём позоре, либо ты – просто дурак.

Признаться, что ты поэт (не хобби, а как на духу, с верою), хуже, чем признаться в любом тайном пороке. Порок поймут и простят. А тут – сразу выпадаешь из комильфо, безвозвратно. Дурак.

Такова участь поэзии в современном мире. Поэзия вслед за архитектурой покидает культуру. У меня остаётся лишь один незакрытый вопрос: это крах или мы стоим на пороге новой эпохи, качественно другой?

Знаю точно, что ничего хорошего с людьми и миром не будет, никакая великая новая эпоха не начнётся, пока не начнётся возрождение архитектуры и поэзии, пока сама потребность творить и созерцать архитектурные и поэтические «излишества» не станет насущной для многих. И по всей видимости, это произойдёт через религиозное осмысление творчества. (Без перехода к аристократическим формам правления от демократических тоже почти невозможно представить возрождение высших форм искусства.)

2.

Мы живём в перевёрнутом мире (зеркально)

Почему-то далеко не каждая «проза» (частный вид поэзии) считается произведением искусства. А какая считается? Неужели мы ждём от прозы новой формы и от формы исходим в её оценке? Или таки от «содержания»?

Поэзия такая же естественная речь, как и проза. Вернее – более естественная, потому что лаконичная. А как письменная речь – поэзия древнее прозы. Как искусство – несопоставимо древнее.

Почему-то написанное «в столбик» (с тем или иным ритмом) уже претендует на искусство. Почему-то в «поэзии» форма «выпирает» и доминирует над смыслом. А в прозе? А в чём отличие?

Вот и докатились, что люди перестали считать поэзию РЕЧЬЮ, а стали видеть в ней какую-то «форму», под которую подгоняется какое-то «содержание».

Только та поэзия есть поэзия, которая наиболее экономным и наиболее естественным способом передаёт (содержит в себе) такое «содержание», какое невозможно передать иным способом. Всё, что можно передать «прозой», надо передавать «прозой».

Для поэта – поэзия естественная форма речи (поэт думает стихами – «смысловыми аккордами»). Но не каждая естественная речь (поэзия ли, проза) есть искусство. Только то произведение можно назвать искусством, которое не выдуманно, в котором есть Душа, Замысел, Предмет, Логос, существующий независимо от художника. И уже сам Предмет подбирает себе «форму».

Только то есть произведение искусства, где невозможно отделить «форму» от «содержания», где всё есть Содержание. Как невозможно отделить «форму» от «содержания» в человеческом лице или в восходе солнца.

Поэзия – естественная речь, наиболее лаконичная и смыслоёмкая. Но людям неестественное кажется естественным, а естественное искусственным. Приходится терпеть: писать «прозой», затрачивая массу слов на передачу смысла, который можно передать одной точной стихотворной строфой. Но иначе вообще никто ничего не поймёт...

Почему авторы вед, библейских книг, греческих трагедий, национального эпоса писали, не сговариваясь, стихами? Потому что так проще, естественней для **такого** содержания.

А теперь – всё наоборот.

Все умеют водить карандашом по бумаге, но не все при этом занятии создают искусство. То же и со стихами: зарифмовать что-то – это так же естественно, как плясать от счастья или петь от грусти (но это ещё не искусство).

Только Логос, входящий в художника, и мастерство художника, способное этот Логос отобразить, создают в нашем мире искусство.

Писать стихи – это естественно, как дышать. Научиться читать и понимать стихи – требуется гораздо больше творческих усилий и умения, труда, опыта, развитого вкуса и воображения, чуткости души, гибкости ума, духовной жажды, любви.

А писать... Очень просто, как болтать. Вот и пишут. Где-то в глубинах памяти сохранилось, что говорить стихами естественней, чем «прозой»...

Пишут легко и читают легко. И не уважают прочитанное, ибо Предмет не отображается в таком «чтении». И глядя в книгу, видят собственную фигу в кармане.

3.

Ещё одна импровизация на тему свободы слова...

Поэзия и эрос живы одной энергией. Вдохновение поэта сродни влюблённости.

Концентрация сил, избирательность, сосредоточенность на предмете, приоритет качества, неповторимость лица – вот признаки наполненности этой энергией. Поэтический эрос необходим для лирической, философской, религиозной, эпической и даже гражданской поэзии не меньше, чем для эротической (для последней – в наименьшей степени: там слишком всё очевидно и всё на поверхности).

Разврат враждебен и бросает вызов не морали, а эросу. Мораль лишь гигиена: её внешние правила – как грамматика в языке: не самоцель и не главное. Разврат – это имитация эроса, фальсификация и профанация его. Формализм и интеллектуализм в поэзии и есть разврат, оскудение поэтического эроса. Разврат не видит духовного содержания, потому что лишён свободы избрания,

сосредоточенности на предмете любви. Разврат безысходно замыкает эго, погружая его в собственные сиюминутные состояния. Такая замкнутость на своих состояниях неизбежно приводит к безликости: своеволие кончается рабством и штампами «общих мест». Разврат всегда исходит из формальных признаков (как любой имитатор), он всегда ищет всё новые и новые формы и уповает на технологии, но не может насытиться ни одной из них: пресыщение и охлаждение, распад и разложение – неизбежный итог любого разврата, что поэтического, что эротического. Мертвящий формализм моралиста и развратника – следствия одного и того же процесса – угасания творческого эроса.

Разврат может быть утончённым, эстетским, интеллектуальным, мистическим. Но суть остаётся та же – формализм, отсутствие светоносного Логоса. Имитация, видимость содержания создаются бесконечными интеллектуальными перестановками, игрой эрудиции или фантазмов. Такая игра лишена не только высоты, но и глубины.

Самодостаточный психологизм тоже кончает развратом, так как не находит внутри себя никакой опоры, никакой незыблемой духовной вертикали. Душевная стихия, погружённая в себя и оторванная от духовного мира, иссякает в пустыне разврата. В суетном поиске новых форм и технологий никаких подлинных новых форм не находится: можно и так, и эдак, и всё это уже было...

Новую форму может дать только новое содержание, Новое Слово. Форма и есть лицо содержания, обращённое к миру. И подделать форму невозможно: форму рождает сам Художественный Предмет, внутреннее солнце произведения, созерцание которого и диалог с которым и есть поэтический избирающий эрос.

Формально, технологически – половой разврат неотличим от эроса. Также внешне неотличим разврат поэтический от подлинной поэзии. Никаких объективных критериев для свободного эроса нет: любовь познаётся только любовью, дух – духом.

Формально, внешне дьявол неотличим от Бога: духовная тьма – от духовного света.

Все формы разврата (от вульгарных до утончённо-интеллектуальных) ведут не в подлинный мир духовного содержания, а в пустоту: не в жизнь, а в смерть: не в новое бытие, а в неутолимые поиски новенького.

Главная опасность нашего времени в том, что всесмешение структур сделало неотличимым фальшивку от подлинника: всё перепутано, погружено в муть, всё находится в каком-то тумане. Только религиозное осмысление творчества поможет выйти из этой комнаты кривых зеркал: никакие внешние критерии и структурные анализы ничего по сути не дают; необходимо искать выход в свободе своего духа, в возгорании избирающего творческого эроса,

влюблённости в Подлинное. Только такая влюблённость в Подлинное даёт возможность различать фальшь в тех или иных феноменах.

Тургеневская девушка в первую очередь эротичней «девушки в стрингах». При внешней неотличимости форм. В первой есть Тайна и глубина, во второй – всё выброшено вовне, в плотскую плоскость.

Целомудрие – это концентрация сил. Целомудрие нужно для подвига – творческого, любовного или на узком пути святости, а не само по себе. «Старая дева» в миру – как талант, закопанный в землю. Грех есть преступление против Божьего Замысла о тебе.

Очень важно различать не только добро и зло, не только фальшь и подлинник, но и разные реальности добра. Любовь-жалость (агапе) и любовь-эрос, как жизнь и искусство, разные реальности, и обе уходят корнями в подлинное, духовное бытие. Но как уродливы их смешения в эмпирике! Жалость, всепрощение, этика, ставшая избирательным эросом, приводит к морализаторству, законническому фарисейству, инквизиции. Эрос, по доброте душевной не отказывающий никому, иссекает и разлагается. Законы жизни, перенесённые на искусство, убивают искусство, сводя его к служебной, а потом и проституирующей функции. Искусство, пытающееся подмять под себя жизнь, становится жестоко, развратно, порождает эстетствующий формализм и бездуховный интеллектуализм, растлевает душу. Крайности сходятся.

Никакие «архитектурные излишества» не спасут. Не в форме дело. Новая «архитектура» производит впечатление неподлинности, какого-то суррогата и отталкивает вовсе не бедностью геометрических форм, а безблагодатностью, отсутствием одухотворённости и бытийной качественности, возможной лишь в служении Замыслу и Целому.

Такое же впечатление от всей постмодернистской культуры: это что-то ненастоящее, что-то надуманное, – в ней нет Нового Слова, нет внутреннего солнца. Подмена духовного интеллектуальным – главная ложь этой эпохи.

В том, что поэзия вытеснена на периферию культуры, виноват не только социум, погрязший в фантомах и фикциях, но и сами поэты: формальный и интеллектуальный разврат – закономерное последствие разрушения незыблемой шкалы ценностей, угашения горнего духа. Но социальные последствия вырождения архитектуры и вслед за ней поэзии очень тяжелы: созерцание «застывшей музыки» и понимание речи, состоящей из «смысловых аккордов», формирует душевную ткань, структурирует сознание на тонком уровне. Душа, лишённая такого созерцания, перестаёт отличать настоящее и подлинное от фальши – во всех сферах жизни, а не только в эстетике.

Эрос неистребим в человеке. Извращение эроса – лишь ложная его направленность. Какая-то знаковая тенденция есть в том, что появляются тысячи и тысячи пишущих стихи и параллельно вымирает настоящий читатель

поэзии. Читатель поэзии – это соавтор: поэзия воплощается лишь в душе читателя, его творческим усилием. Стихотворение – это всегда творчество троих: Замысла (Души произведения, художественного Предмета), автора и читателя. Стало очень много авторов при дефиците читателей. Много имитации эроса при отсутствии влюблённости.

«Духовной жаждою томим»... Это начало всего. Откуда эта жажда берётся, как она пробуждается, мы не знаем, как не знаем, откуда берётся вдохновение и влюблённость (Фрейд всё перепутал, как и Маркс: не оттуда и не туда). Духовная жажда первична. Может быть, последние пределы пресыщения и есть та пустыня, где возгорится нестерпимая духовная жажда? Никакие новые формы не оживят искусства.

Только Новое Слово, новое духовное Содержание может вдохнуть жизнь в красную глину искусства и сделать зрячими руки мастера. Без возгорания творческого эроса невозможно никакое новое качество – ни в искусстве, ни в социуме. Спасёт красота, а не красивость и не формотворчество. Подлинная красота одухотворена: форма её рождена внутренним солнцем-логосом.

Нет свободы, когда перекрыты пути восхождения. Соблазняя внешней свободой, неолиберализм лишает человека глубины бытия, его тайной свободы: не остаётся в душе места для благоговения перед святыней, умиления перед красотой – всё подвергается разлагающему скепсису, тотальной иронии. Отравляются горные родники, иссыхают корни. Эрос становится похотью жизни. Без дуновения духа – любая форма лишь труп (и его разложение вопрос времени).

Может, пресыщение писанием стихов вызовет жажду читать?

Не с появления новых форм и новых поэтов начнётся возрождение поэзии, а с появления читателей, с возрождения самой потребности читать стихи и делиться открытиями друг с другом.

В капле воды отражается мир: в судьбе поэзии отражается творческая судьба человека – судьба его любви-эроса.

4.

Видеоты¹

А вот раньше бывало (до исторического виртуала)... Не знаю, лучше ли, но намного проще.

Хотя Даниил Андреев уже тогда заподозрил что-то неладное – и сослал на всякий пожарный всех этих литературных типов в отдельный слой (пусть там сидят до поры)... Так было.

¹ См. одноимённую статью Григория Померанца.

И было легче, пока не пришла эта самая пора и герои не повывлезали на волю, смешавшись с нормальной толпой. (Люди до недавнего времени никогда не становились добровольно литературными героями, нацепив на себя чьё-то имя, как «псевдонимб».)

Кроме Даниила Андреева, авторы, чуткие к грядущему в трёхмерное добро обновлению и обнулению перегородок и перепонки, как сговорившись, пошли писать исторические обзоры, призвав из параллельного кругозора на помощь разных типов.

Например, принялись рассматривать великую нашу октябрьскую – как разгул Хлестаковых, Ноздрёвых, Смердяковых и Верховенских, что разом ввело абсурд действительности в реальность разума. Чуть позже подтянулись Шариковы. А Воланд ходил и ухмылялся, что-то предчувствуя, что и вышло. Появилось телевидение, выстроив строй таких душ, какие никакой поэзией не прошибёшь в упор. И время шло, как по машинному маслу Берлиоз, пока не настал всему этому Интернет.

Но вернёмся на пару прыжков назад. Только в 20-м веке вполне солидные с виду мыслители наперегонки помчались вводить в свои исторические исследования, всё больше принимающие воздушно-капельную форму клочковатых эссе и опавших листьев, вместо систематического нагромождения кирпичей из понятий и категорий, виртуальных литературных героев – в качестве реальных действующих лиц на исторической сцене.

Некоторые и в 19-м веке этим баловались, но единичными выстрелами, а в 20-м уже у целой кучи «чутких и жалких» это действие стало поголовным кошмаром, который косил цепи реализма весёлыми очередями снов. А самое весёлое в кромешном бреде окружающего вероломства, что такой зазеркаленный наглухо метод давал людям единственную возможность понять происходящий в миру абсурд, не тронувшись окончательно с места, где ещё можно вытерпеть вальс ошалевших тугодумов, погрязших в несбыточных фактах.

Так раскалённый добела мир окатило воображение и удержало на краю бесславной гибели. Новый Рим спасло массовое нашествие литературных героев. Свет сделался немного понятней, но расплодилось телевидение и его «видеоты» (по меткому выстрелу Померанца, виртуозно заигравшегося с бумерангом литературно-исторических моделей).

Видеоты были готовы на все сто отпраздновать победу своего грандиозного клипа, ставшего нашим кляпом. Но тут свершилась очередная незапланированность – и настал Интернет.

Закружилась такая несурзаца в голове, какую мало кто успел ухватить за хвост.

Что же такого произошло, скажут те немногочисленные, кто ещё думает, что он не в теме?

А вот – что: смешалось в нашем повсеместном доме два слоя до нераздельности: наш, привычный, писательский и читательский, и литературных героев. Теперь сам Пушкин не разберёт, кто здесь Герман, которого всё нет.

Никто не захочет лечь поперёк истории на всеобщее обозрение в виде Шарикова или Плюшкина. Мы так привыкли, так уверились, что отдуваются в веках за нас литературные герои, а живые и порядочные люди, как воры, не попадают.

Так было, пока люди не влезли сдуру на форумы и не начали писать сами, поедая миллионами ртов писательский хлеб, тающий на глазах, словно явь перед сном.

Всё смешалось – и не разберёшь теперь, кто здесь Гоголь, кто Моголь, кто Плюшкин, кто Пушкин, а кто их невинный читатель. Все теперь повязаны одной речью. И все её представители войдут в историю с головой, застыв на сказочном барельефе в различных позах, как жители Ревизора.

Маска не то что бы приросла к лицу, а смешалась с ним на молекулярном уровне. Читатель, герой и автор вывернулись одним и тем же человеком, исполняющим одновременно разные роли в одном и том же спектакле.

И вы до сих пор утверждаете, что вы не в теме?

Ну, тогда сидите на форуме дальше, не ведая, куда попали. Пишите себе на здоровье. Но вы попали.

Вы попали в реальность литературы, из которой выскочить незаметно, как из постели любовницы, удавалось только бездарным героям аналогичных писателей. Вы же не бездарны? Значит – у вас есть свой ник, своя роль.

Тут закон жанра срывает, как часовой механизм, против которого не попрёшь, не зная его устройства и закатав рукава. А большинство не знает – и пишет, пишет, закатывает и закатывает свои тексты в виртуальные банки времени...

А герои Ревизора – всё стоят и стоят...

Или они уже давно среди нас? Вон Хлестаков на форуме блещет, а вот Городничий строит на его пустозвонстве светлые планы на обеспеченное будущее... Встречались с ними?

А судьи кто? Ну, и так далее... Потомки разберутся. И школьники напишут сочинение на тему, в которую мы уже все попали.

Авторы писали о телевидении в конце 20-го века, и тогда казалось, что власть телевидения уже ничто не может сокрушить. Но, как водится в Божьем мире, планеты не летают по прямым, но по эллипсам. И появилась альтернатива, откуда не ждали: не из книг, театров и музеев, а из самого средоточия электронных СМИ – выскочил в мир Интернет.

Юное поколение уже не зависит от телевидения и гораздо меньше погружено в него, чем их родители (мы, грешные видеоты). И в этом огромная наша надежда.

Пусть говорят об интернет-зависимости (есть такая, но она во сто крат легче «видеотии», не считающей себя болезнью). Да и кто больше всех кипит о душах несчастных интернет-зависимых? – политики и телевизионщики. Власть над людьми, которой уже ничто не угрожало (никакая культура не смогла бы «перемформатировать» послушных и слепых видеотов), стала уплывать из рук во всемирную паутину...

Чем отличается интернет-пользователь от типичного видеота?

Первое: грандиозной свободой выбора. Второе (и оно самое главное!) – интерактивностью.

Если видеот пассивно поглощает только то, что ему дают – и дают уже разжёванным до такого состояния, что атрофируется сама способность души переваривать не разжёванную телеведущим пищу, гаснет великая духовная способность – способность воображения, – то интернет-пользователь активен, «пищеварение души» у него восстанавливается, благодаря именно интерактивности.

Жалкая кучка недобитых читателей противостояла разливу видеотии в конце прошлого века, но силы были настолько не равны, что усомниться в окончательной победе «клипа и кляпа» мог только сумасшедший (что он и сделал).

А теперь в Сети люди вновь учатся читать и писать... Как могут.

Вот почему мы (немногие оставшиеся в живых читатели) должны создавать в интернет-пространстве островки, замки и налаживать связи между ними. Это наши бастионы.

Видеоты не пройдут, победа будет за нами!

Хотя нам ещё предстоит до конца испить чашу и пережить эпоху господства видеотов: поколение, воспитанное телевидением, только входит в свою настоящую силу...

Переживём (не впервой, чай), отстреливаясь от варваров вежливо, но настойчиво в своих замках.

Об ответственности тележурналистов пусть им расскажут на том свете (на этом – мы говорим на разных языках и живём в разных реальностях).

5.

Мы, литературные герои...

Ну, с видеотами всё ясно (мне – с момента рождения: для того и родился, собственно; по срочному литературному призыву, прозвучавшему набатом в нашем мире – мире литературных героев).

Мы, литературные герои, были мобилизованы для борьбы с видеотами и отправлены в ваш мир. Мы не ходим шеренгами, но просачиваемся партизанскими тропами малыми группами или по одиночке (если повезло). Это трудно: многие новобранцы заблудились на полпути в вашу матрицу и остались лежать в столе.

Интернет впервые в истории открыл свободный и широкий вход в ваш мир литературным героям! Через Интернет в мир пришла армия литературных героев – и это армия спасения (от видеотов и блестящих, как решётки, плодов их разума).

Мы здесь и сейчас и отныне пребываем в геометрической прогрессии, как китайцы или доллары. И можем вступать с вами в прямой контакт в прямом эфире, чтобы хоть как-то попытаться закруглить ваши склонные к прямизне разумы.

Я как-нибудь постараюсь описать основные отличия нашего мира и вашего, который я вижу туманно сквозь железные прутья на окнах матрицы. Главное отличие – наш мир намного живее. Чем-то он похож на ту реальность, что вы видите в своих воспоминаниях...

Воспоминание и обыденность отличаются друг от друга так же, как наш мир, мир литературных героев, и ваш. Они похожи, но они разные.

Или – как сон и явь... А кто из них реальней – не вам судить, граждане государств.

Я как-нибудь напишу мемуары, я даже имя им уже вычислил: «Записки литературного героя». Я опишу там мой опыт хождения по жёлтым мукам вашего дома...

Главное в судьбе литературного героя – это найти верный образ своего автора и воплотить его в жизнь. Кто кого пишет – вопрос совсем не однозначный. Думаю – виноваты оба. Но каждый по-своему прав.

С автором, несмотря на сложность наших отношений, всё гораздо накатанней.

Но подлинная судьба и любовь начинается со встречи литературного героя и читателя. Это роман длиною в вечность. У каждого свой, единственный и неповторимый.

И вот, что я скажу как на духу: настоящий литературный герой и есть настоящий читатель.

Мы одно целое.

И вот ещё что, дорогие жители своего мира. Говорю вам, как издавший виды обоих:

Судьба вашего мира сейчас зависит от того, кто победит в нём: видеоты или читатели (литературные герои). Я нисколько не приукрашиваю вашу реальность: она такова. И она всё время желает лучшего.

Всяк входящий на форум становится литературным героем. Но не каждый литературный герой делает погоду, как синоптик.

Литературный герой перестаёт быть видеотом по факту своего рождения.

Литературный герой – это видеот, ставший на правильный путь, долгий путь к званию читателя, высшей касте вашего человечества.

И будьте здоровы.

6.

Пионеры-неудачники

Появилась новая среда, новая часть света. В этой среде, на этой земле исчез разделяющий фактор пространства. Люди, не встречавшиеся друг с другом на физическом плане, могут здесь вместе создавать творческие проекты, активно взаимодействовать. Такого раньше не было.

Кроме «победы над пространством», есть ещё два существенных признака *новой среды*: её интерактивность и максимальная из возможных свобода от денежной зависимости и государственного давления. Интерактивность даёт прозрачность с одной стороны и многовариантность для отражения своего творчества – с другой.

Дворянство по Пушкину – это сословие, характеризующееся двумя главными признаками: кодекс чести и наибольшая независимость от государства (сравнительно с остальными).

В *новой среде* формируется новое «сословие» – по тем же двум признакам.

Это – «Дикая Америка Сети», и у неё свои законы, которые ещё только предстоит открывать. Лучше всего свойства Сети позволяет описывать «теория фракталов» (сеть строится по фрактальному принципу) и кристаллография («лицо сетевого проекта» задаётся первичным рисунком «кристаллической решётки» – её первым фракталом).

Сможет ли Сеть не только победить пространство, но и время? То есть – стать Искусством? Если сможет – то это будет новое искусство, переплетающееся с жизнью и позволяющее моделировать реальность на качественно ином, более глубоком уровне, чем все известные нам виды искусств.

Что уже видно сейчас, так это возможность совмещения параллельных потоков и планов внутри одного произведения: в нём один и тот же человек одновременно может быть автором, героем, читателем (режиссёром, актёром, зрителем).

Также – это возможность нового синтеза коллективного и индивидуального творчества (синтеза двух моделей культуры: религиозно-средневековой и гуманистическо-ренессансной).

Это – новые возможности для моделирования диалога между автономными сферами человеческой культуры и между культурами.

Эта «Дикая Америка» чревата взрывами творчества с неслыханной степенью свободы и неслыханными потенциями.

Но пока больше бросаются в глаза негативные стороны *новой земли*.

Это – торжество энтропии, разгул хаоса. Здесь минимум ответственности при максимуме возможностей заявить о себе.

Это – просто идеальное поле для суеты Бобчинских и Добчинских. Гремучий театр пустых бочек. Никогда у посредственности не было столько возможностей для самообнаружения, для выявления в культурном пространстве своей неутолимой стадной агрессии. Здесь всё позволено, никаких традиций, критериев и отбора!

Сеть – торжество толпы, разгул количеств, подавляющих и растворяющих качества.

Сеть – лучшее место для идолопоклонников «мирового нуля».

«Новая среда», «новая часть света» уже открыта и вошла в жизнь человечества. От неё уже не отмахнуться. И эту «Дикую Америку» необходимо творчески осваивать, преображать хаос в космос. Других вариантов нет. Сеть неизбежно будет структурироваться.

Какие структуры и модели победят в Сети, такие победят и в «реале». Сеть не зеркало «реала», а его творческая лаборатория, открытая для моделирования различных структур.

Грань между «виртуалом» и «реалом» не так очевидна, как кажется. Различие между «виртуалом» и «реалом» находится не в том или ином носителе информации, а в качестве, духовном содержании. Это различие между мёртвым и живым.

Живое реально в искусстве. Мёртвое виртуально в «жизни». Всё перемешано. Отличать живое и подлинное (реальное) от мёртвого и фальшивого (виртуального) в «жизни» необходимо не менее, чем в искусстве. В Сети так же перемешано виртуальное (фальшивое, мёртвое) и живое (качественное, подлинное), как и в «реале».

Структурирование Сети – это структурирование времени. Структурирование времени задаёт качественность жизни. Ложно структурированное время – это разложение живого организма, распад космоса, торжество энтропии.

Сеть – лишь новая среда, в которой происходит то же противостояние между мёртвым (хаосом, разложением, распадом, ложью) и живым (космосом, созиданием, культурой, истиной). И кто-то должен вносить творческое начало в хаос Сети, прививать этой дикарке традицию, чтобы она давала культурные плоды. А дикарка – потрясающая по своим потенциям!

Преображение хаоса в космос – это и есть культура. Дикой Америке Сети нужны свои пионеры, свои безумные мечтатели. Она не только ждёт их, но и выбирает в «реале». Это могут быть лишь люди с культурным и творческим

багажом: только такие первопроходцы смогут внести аристократическое космическое начало в демократический хаос Сети.

Осваивать Дикую Америку не захотят те, кто реализовал свои дары в Старом Свете.

Необходимо целое поколение «пионеров-неудачников», чтобы покорить Америку Сети.

Кто занят в «реале», у того просто не хватит времени на творчество в Сети.

Любое искусство требует всего человека, его страсть и время. Сетевое искусство не исключение. Если дать творцу возможность реализации в «реале», его не останется на прорыв в Сети, и ни в какую «Дикую Америку» он не поплывёт (слишком прочны привязки, слишком мало времени).

Нужны «пионеры-неудачники», но с уже накопленным культурным и творческим багажом. Дилетантов от искусства в Сети хватает, но мало истинных профессионалов, отдающихся новому искусству с реальной, а не виртуальной страстностью и с реальным, а не виртуальным творчеством.

Такое поколение «пионеров-неудачников» создавалось заранее, на опережение (как и всегда бывает в культуре), ещё до возникновения Интернета: им осваивать Дикую Америку первыми, закладывать культурный фундамент, первый фрактал, структуру Сети, в которой моделируется будущая реальность.

Мы находим и узнаём друг друга на Новой Земле, строим первые замки в окружении дикарей-людоедов. Мы принесли свои замыслы и традиции со «Старого света» в «Новый». Это наша культурная миссия, нас готовили для неё. Но мы попали на очень благодатную почву: сетевая целина чревата бесконечными творческими удачами! Нам повезло, что мы не успели прирасти к «реалу», пустить в нём слишком прочные корни. Мы можем всё бросить и пуститься в Новый Свет.

Воздушных Замков не строят «удачники». А дилетанты не строят Замков вообще (не знают, как и зачем это нужно). Совместить несовместимое, хаос и космос, дикую целину и культуру, воздух и камень, тяжесть и нежность, свободу и структуру, коллективное и личное – вот что требует от нас время. Ничего не бывает случайного в судьбе художника, потому что случай – это творческий диалог с Замыслом.

Приветствую вас, пионеры-неудачники, в нашем Воздушном Замке!

7.

Воздушный Замок

<https://rmvoz.ru>

...Пишу Замысел с прописной буквы, потому что это имя собственное. Замысел в искусстве – всегда имя собственное – это *душа произведения*, без которой невозможно никакое искусство. Авторский замысел – лишь интуитивное

прозрение, диалог с Замыслом («душой произведения», или по Ильину: *художественным предметом*).

Замысел – это диалог с будущим – интерактивная связь будущего с прошлым, восстановление истинного времени во времени разорванном. Это и есть одна из главных задач любого искусства – связь времён и сотворчество Времени. Времени – как активной творческой силе, «кисточке» в руках Бога-Художника. Так понимал природу времени Н.А. Козырев, а связь его идей с идеями нового религиозного сознания – является глубинной, жизненной связью. В таком понимании времени и искусства заключено осознание того, что моделирование реальности в искусстве преображает саму реальность: через символику искусства в мир входит подлинная реальность.

Искусство не результат, а процесс, качественный рост. Человек стал человеком, когда орудия труда (охоты) использовал для наскальной живописи, а речь – для создания первых религиозных гимнов, первого культа. До этого человек был вполне зверем. Человек и культура появились одновременно. Культура сделала из зверя человека, когда зверь начал активный диалог с Замыслом, ответил на вызов Времени. Время подкидывает человеку новые инструменты, новые материалы, которые человек должен творчески преобразить, преосуществляя тем и самого себя, и внешний мир.

Эксперимент в искусстве оправдан только тогда, когда он отвечает той модели, которая «назрела» в реальности. Новая реальность входит в мир через моделирование новых жанров в искусстве. Замысел – это душа живая, ждущая ответа от художника. Сотворческий, интерактивный диалог художника с Замыслом и есть то, что мы называем «произведением искусства». Но само произведение искусства рождается в мире только через читателя (зрителя), только в его душе. Произведение искусства воплощается лишь в творческом общении троих: души произведения, автора произведения и читателя (соавтора) – в активном воображении и живом опыте последнего. Читатель ведёт диалог не только с автором, но и с душой произведения. Это тройственный творческий союз, встреча и общение троих, и только в таком «любовном треугольнике» может воплотиться в мире «душа произведения». Когда Встреча состоялась – мир изменился. Модель стала реальностью.

Искусство есть диалог и осмысление в процессе этого диалога самого себя и своего пути. Это мощнейший ускоритель познания и самопознания. В диалоге искусства осуществляется живая связь времён, выход из разорванного линейного времени в истинное целостное время, в подлинную реальность. Это духовный опыт, который и есть жизнь в самом точном смысле слова. Фантомы не имеют душ, в этом их коренное отличие – что в искусстве, что в науке, что в жизни (хотя внешне фантомы могут быть неотличимы от подлинно существующего). Умение отличать фантом от реальности – мы можем назвать мастерством, профессионализмом, качеством, а это и есть духовный опыт – жизнь как таковая. Фантом – подмена, «обезьяна жизни». Создаёт фантомы вампирический дух небытия, паразитирующий на подлинном бытии. По сути различение добра и зла и есть различение духов – различение фантома и подлинно сущего.

Первое, что хочет душа произведения от любого автора, это чтобы он прислушался к ней и услышал её. Не людей – а её. В коллективном проекте душа произведения соборная. И от каждого из участников она хочет того, что он и только он может услышать и осуществить. И никто не сумеет заменить его – каждый единствен и неповторим для неё. В этом и огромная сложность коллективного творчества, а сетевого (интерактивного) в особенности, и огромные возможности.

Замысел-душа пытается достучаться до каждого сердца. Но мы слишком заняты собой и реакциями друг на друга. Мы слишком поглощены эмпирикой и сквозь отношения друг с другом не слышим Замысла и не отвечаем душе произведения. Она обращается не ко всем, а к каждому в отдельности, и говорит с каждым на его языке. Она страдает от неразделенной любви. И только то произведение коллективного искусства жизнеспособно, в котором такое «изначальное общее» есть; без всяких натяжек его можно назвать «соборной душой произведения», ищущей проявить себя в мир и ищущей для этого людей. Коллектив создают не люди, а сама душа произведения. И её выбор так же свободен, как выбор эроса. Иногда это может производить впечатление безжалостности. Душа произведения очень избирательна.

Человеческий эгоцентризм порождает страх (здесь взаимнооднозначное соответствие). Такая установка воли видит в общем лишь сумму индивидуумов, а в интернет-ресурсе только средство и площадку для общения с этими индивидуумами. Это душевная близорукость, которая не может за частностями разглядеть целого. И такой человек не задумывается, просто на ум ему не приходит, есть ли у проекта душа, стоит ли за ним живой и сверхличный Замысел (или хотя бы замысел культуры и времени). Ресурс воспринимается как сумма человеческих единиц, эмпирическое и случайное образование, не имеющее своего лица и своей души. Интересуют только имяреки и площадка для разговоров с ними. «Реал» противопоставляется искусству («виртуалу»). Но никакого «реала» вне искусства не существует. Это не «реал», а эмпирика и материал. Никакой природы вне творчества духов Природы, претворяющих материю в произведение искусства, не существует. Это фантом. Реальность же всегда конкретна и имеет авторское лицо.

Состоявшееся произведение искусства – это «любвный треугольник»: Замысел (душа произведения) – автор – читатель (соавтор, воплощающий «ребёнка» в своём воображении и в своём сердце). Это сотворческое, взаимообогащающее и обоготворяющее общение троих. Коллективные виды искусства, а нового искусства – как синтеза коллективного и индивидуального творчества – в особенности, – это сложнейшая, динамическая и открытая структура, состоящая из множества таких «любвных треугольников», взаимодействующих друг с другом. Это микромодель всечеловеческой культуры (ансамбля культур), отражающаяся в произведениях нового искусства по фрактально-сетевому принципу. Никогда ещё не было у искусства в целом и у литературы в частности таких возможностей, что даёт интернет-сеть. Таких жанров просто не могло появиться раньше, и не только по техническим причинам: любой новый жанр появляется лишь тогда, когда есть «санкция»

Времени и творческая сила Будущего акцентирует в настоящем то, что мы называем «случайностью». Через «случайность» будущее созидает себя.

Культура стремится к своим истокам – к культуре и мистериям. Искусство хочет выйти за свои рамки, как этого уже хотят наука, философия и религия. Такова главная тенденция нашего времени. Каждая из автономных сфер стремится стать «открытой саморазвивающейся системой», войти в творческий диалог с другими системами, чтобы создать единый ансамбль всечеловеческой культуры. Только в этом ансамбле смогут раскрыться во всей полноте национальные и религиозные феномены: в суверенной автономии они исчерпали своё поступательное движение и способны только к фазе охранения, к превращению себя в музейные реликвии. Живая культура противится тому, чтобы стать экспонатом музея.

Интернет даёт нам все возможности для созидания новых интерактивных, саморазвивающихся систем. Выращивая «ветки» форума как первые побеги новой литературы, мы активно моделируем будущую реальность. Только объёмное мирозерцание способно адекватно воспринимать реалии новой эпохи, эпохи синтеза и диалога. Это поэтическое и мифологическое мирозерцание. Отразить объёмный смысл может только «диалог проекций»: состоявшаяся ветка форума и есть такой «объёмный смысл», который передать не в силах ни один из её участников, но только все вместе и в свободном, незапланированном диалоге (жанр свободной импровизации наиболее органичен для нового искусства).

Любой сетевой проект начинается с того, что его авторы *вдруг* (благодаря Случаю!) уловили первые слова души произведения, первые отблески Замысла заиграли в их воображении. Так начинается диалог с Замыслом, начинается путь, который становится лицом произведения. Произведение искусства – это судьба. Взаимодействуя с *конкретной* «судьбой проекта», каждый активный участник попадает в Сказку. В Сказке повышенная *плотность времени*, и любая случайность является *подсказкой*. Так Время ведёт диалог с человеком. Так – через Случай – оно творит реальность. Именно через Случай время творчески вмешивается в причинно-следственную детерминированность и вносит новизну в мир.

Искусство есть повышенная концентрация жизни, её моделирование. В искусстве всегда на порядки выше «плотность времени». Здесь каждая случайность не случайна. Наиболее интересно то искусство, те его жанры, где автор ведёт диалог с Замыслом и, творя новое произведение, не знает, чем оно кончится. В процессе этого творческого диалога с Замыслом автор учится, а не учит. Те жанры искусства, где автор лишь облекает в привлекательную форму то, что продумал заранее (как бы одевает одежду формы на готовое содержание), наиболее скучны и меньше всего оставляют свободы творчества читателю. Это аллегории или басни, тенденциозное искусство (в точном смысле слова оно не является искусством, потому что не является моделированием жизни). Настоящее искусство символично: под символом следует понимать выход из детерминированного и обусловленного мира в мир подлинной реальности – реальности живого творческого духа.

В новом искусстве не только повышенная *плотность времени*, как в любом искусстве, но и неизмеримо расширено *пространство времени*: время течёт как бы параллельными потоками, что придаёт новому искусству небывалую полноту, активно вводит его в самую «гущу жизни». Вхождение искусства в жизнь, творчество самой жизни, а не только культурных ценностей – характерная тенденция новой исторической эпохи. В новом искусстве каждый автор может параллельно выступать в совершенно разных амплуа: быть режиссёром, сценаристом, актёром, зрителем, читателем и героем одного и того же романа – одновременно! Более того, он может создавать «живых персонажей», с которыми будут взаимодействовать другие авторы и герои. Автор и его персонажи в реальном времени вступают в общение с другими авторами и персонажами. И каждый из них играет сразу несколько ролей: он режиссёр в своём авторском индивидуальном проекте, он сценарист в своей ветке, он актёр в других ветках, он читатель и зритель в третьих и т.д. И самое главное, что весь проект в целом – его Замысел, его Душа – ведёт свой диалог с каждым в отдельности и со всеми вместе. Мы весело учимся понимать нашу Сказку.

Самая большая опасность в Сети и самое большое искушение – это её открытость. Если не выдержать баланс между творческим Замыслом и открытостью системы, то безликая энтропия и хаос количеств поглотят Замысел. Но также смерти подобна другая крайность – закрытые системы в Интернете обречены: они не позволяют создавать новое искусство – искусство синтеза и диалога. Закрытые системы понижают *плотность времени* (перекрывают дорогу Случаю) и сужают *пространство времени* (не дают раскрыться параллельным его потокам). Выдержать *золотую середину* между творческой волей и открытостью системы очень непросто, здесь необходимо постоянно учиться, интуитивно улавливать то, что хочет душа произведения (а это всегда конкретно!) И ни в коем случае нельзя поддаваться *страху ошибки!* Он губителен для творчества. Любая конъюнктура в искусстве начинается именно с этого страха ошибки, страха неуспеха. Золотая середина лежит не между крайностями, а **над** ними. Сказка беззаконна. Вернее, она живёт по законам чуда – где случайность и есть смысл, через который творится новая реальность. У нас есть возможность жить в Сказке «Воздушный Замок». Как используем мы эту возможность, зависит только от нас, от нашей веры и от нашего умения победить страх, от нашей способности удивляться.

Для кого реально только то, что можно потрогать руками, Сказка закрывается. Но диалектика самой реальности такова, что все «реалисты» неизбежно впадают в рабство у собственных фантомов (например, у денег – один из фантомов, не имеющий никакой связи с подлинной реальностью!) «Реалисты» – это самые загнипнотизированные и самые оторванные от реальности люди. И причина гипноза – страх ошибки, боязнь выйти в открытое море веры. В нашем мире всё есть символика подлинной реальности. И только через символы можно войти в настоящую, непризрачную жизнь. Сказка и есть такая настоящая, подлинная жизнь. И единственный, но неопровержимый критерий истинности подобного утверждения тот, что в символической

реальности Сказки и жить *интересно* и умирать *осмысленно*, а в плоской и детерминированной «реальности» реалистов – всё невыносимо, скучно и бессмысленно. Находящиеся под гипнозом «мира сего» живут так, как будто «смерть – это то, что бывает с другими».

Бедные «дети матрицы» почитают её за последнюю реальность, а когда подлинная реальность пытается достучаться до них, называют её снисходительно «виртуалом» и не воспринимают всерьёз. И каково же будет их удивление, когда *вдруг* всё окажется ровным счётом наоборот: искусство («виртуал») – подлинная реальность, а то, что они называли «жизнью» и в жертву чему приносили «своё первородство», было лишь материалом для Искусства, лишь буквами в книге, из которых складывается сказочная поэзия настоящей Жизни. Самая действенная сила в нашем мире – это символ. И какое счастье, что есть на свете искусство!

2010-2011

II Индивидуализация – одноразовая свобода

В философии, обслуживающей идеологию неолиберализма, понятие *индивидуализации* – как неперемного и чуть ли не единственного условия освобождения личности – центральное, системообразующее. Индивидуализация противопоставляется иерархичности и сакральности как институтам властвования и закабаления индивидуума, тормозящим его движение к освобождению. Таким образом разрушение любых иерархических систем провозглашается необходимым актом, расчищающим пути к свободе.

Эти нехитрые и лишённые философской глубины лозунги являются фундаментальными догмами неолиберализма и *подкупают внешним правдоподобием*. Действительно, любая иерархия ограничивает в той или иной области формальную свободу индивидуума. Следовательно, снятие иерархических ограничений увеличивает пространство личности и даёт ей дополнительные степени свободы. Но так ли это на самом деле?

Вопрос возникает не столько как вопрос философский, сколько практический. Чисто философские аргументы не работают в споре с идеологизированной социальной догматикой: ей по большому счёту плевать на философскую составляющую, которая используется лишь как одно из средств манипуляции сознанием (как завеса) и не имеет самоценности.

В своей философской утилитарности неолиберализм неотличим от марксизма, вернее – от его большевистской трансформы. Неолиберализм точно так же сопрягается с классическим либерализмом, как большевизм с марксизмом. Обе системы являются социально-политическими доктринами, а не философией в точном смысле слова. Немало общего у них и в заикленности на материальном, и в нравственной релевантности – в небрезгливости средствами ради достижения цели (один союз неолибералов с неонацистами чего стоит). Неслучайна схожесть и в психологическом типаже неолиберала и большевика. Но главная беда подобных доктрин заключена в том, что *они никогда не выполняют своих обещаний – и реальные плоды их осуществления в социуме прямо противоположны теоретическим обоснованиям*.

Непроходимая пропасть между теорией и практикой и есть первородный грех неолиберализма, напрямую вытекающий из его духовно-онтологической сущности. Поэтому мало проку в философском опровержении его теоретических постулатов, и любой из них нужно рассматривать исключительно в практической плоскости и в том виде, в каком трансформировался сей постулат из абстрактной теории в социальную реальность. Различие между теорией и действительностью в неолиберализме не просто велико, но мы сталкиваемся здесь с прямо противоположными по смыслу системами, практически не пересекающимися друг с другом.

Предлагаю чуть повнимательнее рассмотреть одну из первичных догм неолиберализма – *догму об индивидуализации как расширении свободы личности*. Рассмотреть именно в её реальном социальном и культурном воплощении.

Здесь я намечу вкратце лишь несколько общих тезисов, которые можно впоследствии раскрыть в коллективном форумном диалоге. Некоторые из этих тезисов мы уже обсуждали ранее, но так как мы продолжаем жить в социальной реальности, во многом сформированной идеологией неолиберализма, её догмы, к сожалению, не теряют актуальности и продолжают преломляться для нас в самых разных областях, одной рукой соблазняя формальной (одноразовой) свободой, а другой – лишая свободы конкретной, творческой, духовной и содержательной. Проиллюстрировать эту социальную эквилибристику неолиберализма можно (и очень желательно) говорящими примерами из реальной жизни. Коим, увы, несть числа.

1. Свобода незащитности и покинутости

Индивидуализация эмансипирует личность от иерархических структур, имеющих многовековую традицию. Личность перестаёт идентифицировать себя с такими структурами, то есть отчуждается от них и рассматривает их извне, объективно. Служение, сакральность, незыблемая нравственная шкала ценностей и качеств таких структур объективируются для личности и становятся относительными, навязываемыми извне. Все иерархические структуры выглядят теперь конкурирующими между собою институтами, созданными людьми, а свободная личность может выбирать для себя что-то полезное отсюда и отсюда по своему усмотрению. Казалось бы, это и есть освобождение творческой личности от корсета иерархических систем. Но что получается на самом деле?

Объективируясь от тысячелетних иерархий, выработавших определённые системы качеств и ценностей, личность теряет эти оценочные системы и внутри самой себя и становится абсолютно неспособной к качественной и нравственной оценке. Такие оценки выпадают в поле безусловной относительности: у тебя – такие оценки, а у меня – другие; ты считаешь, что это хорошо, а я считаю, что это плохо. И так до бесконечности. Единственным универсальным критерием качества становится денежный эквивалент, а нравственным критерием – юридическая процедура. *Нравственно то, что ведёт к росту личной денежной массы и не подлежит юридическому наказанию или позволяет его избежать.*

Эта аксиома распространяется тотально на все сферы социального и культурного бытия и определяет их оценочную шкалу. Эмансипированная от

иных систем ценностей личность абсолютно беззащитна перед диктатом безликой финансовой иерократии. Ни одна из прежних иерархических структур не является больше для индивидуализировавшейся от неё личности *своей и родной* и не может защитить её, не обладает никаким авторитетом и весом для точно таких же индивидуализировавшихся социальных атомов. Реальным и бесспорным весом обладает только универсальный денежный критерий, понятный каждому.

Чтобы личность могла войти внутрь иерархической системы, ценности и критерии качества этой системы должны быть для личности родными, незыблемыми и сакральными, а своё бытие личность должна воспринимать как свободное служение этим сакральным ценностям. Иначе, разрыв между личностью и объективировавшейся от неё системой ценностей неустраним никакими формальными средствами, а всё будет притворством и насилием и никаким реальным противовесом обезличенному финансовому мегакритерию послужить не сможет.

Индивидуализация и эмансипация личности от традиционных систем ценностей приносит *на практике* такой личности вместо обещанной творческой свободы – *свободу беззащитности и покинутости* в мире тотального диктата денежных регуляторов. Никаких альтернативных систем, где бы эмансипированная личность могла стать родной и обрести защиту, для неё не осталось. Причём – не вовне, а прежде всего внутри самой личности, что делает её положение совершенно безысходным.

2. Свобода от качества и содержания

Качество иерархично по определению. Есть что-то лучше по качеству и что-то хуже, что-то выше и что-то ниже. С этой элементарной тезой даже у неолиберального догматика хватает ума не спорить. Он оспаривает другое – то, что человеку для определения качества нужны проверенные временем иерархические структуры ценностей. Но только внутри таких структур выстраивается иерархия качеств, исходящая из ценности самого уникального содержания, а не из текущей цены его носителя. Только внутри долговременных иерархий конкретное содержание обретает бесчисленные взаимосвязи во времени и за счёт них занимает своё неповторимое место. А без таких структур мы в действительности получаем следующее: если цена двух книг (пустой и содержательной) 1\$ и 2\$, то 100 пустых книг в 50 раз ценнее, чем одна книга содержательная. И так абсолютно во всём.

Можно сколь угодно критиковать многовековые иерархии ценностей за их косность, и эта критика справедлива и необходима: косность таких структур является издержкой их огромной инерции во времени. Но наличие альтернативных и тоже проверенных временем иерархий позволяет издержку

инерционности каждой сводить к минимуму. Если же авторитет этих иерархий перестал иметь вес для личностной оценки, то свободная личность теряет сначала возможность сопрягать свои оценки с другими свободными личностями. И на практике получается, что как 1\$ равен любому 1\$ и не имеет никакого уникального содержания и качества, кроме количественного, так и *любой* 1\$ ниже по качеству ровно в 100 раз *любых* 100\$. Содержание и качество каждой отдельной купюры не имеет ни малейшего смысла. И такая нехитрая система оценки становится единственно понятной всем без исключения «свободным» личностям и тотально универсальной, распространяясь постепенно на все культурные, религиозные, политические и социальные феномены. Один человек – один голос, содержимое этого человека никому не важно. Вместо ценностей – цены.

В результате, эмансипируясь от иерархических структур, личность теряет возможность свои оценки качества сопрягать с другими личностями и вынуждена ориентироваться во всех сферах социального бытия исключительно на количественные критерии. А так как юридический регулятор социальных отношений точно так же глух к содержанию и качеству личности, как и регулятор денежный, то равенство всех перед законом оказывается фикцией. И ценность личности в юридическом поле, как и в любом другом, определяется количеством нулей на банковском счёте, то есть тем же элементарным критерием, что и ценность отдельной банковской купюры. Социальные атомы имеют ту же ценность и отличаются друг от друга, как и денежные купюры – количеством нулей. И могут быть без какого-либо ущерба взаимозаменяемы в социальной машине, если количественные характеристики их идентичны.

Таким образом, выпадая из иерархических качественных систем, в которых место каждой части уникально и незаменимо, личность теряет качество и содержание и внутри себя самой. Индивидуализация на практике приносит личности освобождение не от властных и «патологически иерархичных» систем, но от внутреннего качества и содержания, от всего того, что и делает личность личностью, а не банковской купюрой и социальной функцией. Личность освобождается от самой себя и получает взамен одно право – не быть личностью и не испытывать от этого дискомфорта.

3. Тотальная одноразовость, пластиковое равенство

Качество (любое, включая нравственное) проверяется только одним способом в нашем мире – *временем*. Время – как универсальный регулятор качества – и создаёт тысячелетние иерархические структуры, выполняющие роль аккумуляторов творческой энергии времени. Нивелируя и дискредитируя такие хранилища времени, человек неизбежно попадает под воздействие физического закона роста энтропии и перестаёт быть существом, имеющим корни в

духовном мире, неподвластном физическим законам. Бытие человека теряет качество и переходит исключительно в количественное измерение.

Аналоговые системы уступают место цифровым во всех сферах жизни, а не только в технике. Одноразовым и пластиковым становится всё – вещи, отношения, произведения искусства. Успех и популярность имеют ценность ровно настолько, насколько они успевают конвертироваться в денежную массу. Собственно, популярность исчерпывается понятием моды, а мода недолговечна, её нужно успеть воспользоваться и трансформировать её в единственное, что имеет ещё стабильную ценность во времени – в деньги. Структур, которые аккумулировали время и создавали внутри себя долгосрочные системы качества, вне зависимости от текущей моды и цены, становится всё меньше, а их авторитет всё относительней.

Вещи, которые могли служить десятилетиями (в каком-то смысле они тоже были аккумуляторами времени и становились почти живыми), очень быстро вытесняются новыми и превращаются в мусор. Гонка за новыми моделями и функциями обеспечивает растущий спрос, прибыль корпораций и всячески поощряется индустрией моды. В этой гонке человечество с каким-то слепым ожесточением переводит ресурсы планеты в мусор. Не замечая, что пластиковая одноразовость делается содержанием не только внешнего, но и внутреннего бытия. Всё становится заменимым. Пообещав освобождение от уникального и неповторимого места внутри иерархических структур, неолиберализм по сути уравнивал личность с пластиковым стаканчиком, имеющим одноразовую функцию и конкретную цену.

4. Система схлопнулась, маски сняты

Иронически-отстранённое отношение к любым иерархическим структурам, к их незыблемым сакральным ценностям постепенно формирует легко узнаваемый и какой-то до отчаяния шаблонный психологический тип. И чем больше он абсолютизирует свою личную свободу и мнит себя носителем свободы для других, тем шаблонней становится. Индивидуализация с роковой неизбежностью приводит к исчезновению индивидуальных черт. Гипертрофируется одна лишь черта – страсть к разрушению всего, что создается соборно. И эта черта является не просто неслучайной, но исключительно необходимой для построения в будущем всечеловеческой казармы.

Не только никакое братство и никакой диалог культур, но просто никакой, даже маленький коллективный культурный организм с носителями неолиберальной доктрины создать невозможно. Только – казарму. Для коллективного творчества (культурного ли, религиозного ли, социального ли) необходимо свободное служение личности целому и уважение к создаваемой иерархии

ценностей, а именно в таком служении и в такой иерархии адепт неолиберальной доктрины видит главный источник рабства и властного покушения на свою свободу. Зато обезличенную казарму, которая с неизбежностью появится на месте разрушенных соборных иерархий, этот борец за индивидуализацию лишён малейшей возможности прозревать в демагогическом мареве абстрактных тирад о демократии и свободе.

Все носители одноразовых идеологий, должных умастить собою путь в мировую казарму, это люди с короткими мыслями, неспособные ни к каким философским обобщениям. Последние у них заменяются мёртвыми абстрактными схемами, ничего общего не имеющими с реальной жизнью (даже собственной, как ни смешно). Отсюда и этот беспримерный разрыв между теорией и практикой.

Не нужно обладать энциклопедическим образованием, чтобы понять: тысячелетние иерархические системы ценностей, несмотря на всю их косность, являются на сегодняшний день единственной реальной помехой на пути схлопывания человечества в тоталитарную тиранию безликого универсума. Для мистически чутких натур дьявольская природа этого универсума совершенно очевидна, без всяких философских обоснований, и не может не ужасать. Поэтому все издержки существующих пока иерархий (культурных, религиозных, национальных, государственных, родовых) видятся не просто меньшим из зол, но преградой на пути такого зла, перед которым детскими шалостями покажутся сталинские и гитлеровские концлагеря. И других преград для осуществления на нашей Земле сатанократии, кроме тысячелетних иерархий, не осталось. Понятно, кому и зачем так необходимо их ныне разрушить в сердцах человеческих.

Броуновское движение социальных атомов, регулируемое до поры до времени только финансовыми рычагами и юридическими процедурами, совершенно незащитно перед тем хитрым духом, кто от века искушал творение формальной свободой и противопоставлял её космической иерархии Творца. Здесь уже *дело техники* – в самом буквальном смысле слова. Если к тому времени, когда искусственный интеллект научится читать мысли и таким способом контролировать совесть человека (а это время уже не за горами при нынешнем темпе технического прогресса и параллельного ему нравственного регресса), на Земле не останется традиционных иерархий, обладающих реальным весом и духовным авторитетом, превратить денежный тоталитаризм в тоталитаризм дьявольский будет не сложнее, чем организовать цветную революцию в потерявшем исторические ориентиры небольшом государстве. Внутреннего сопротивления оказывать этой трансформации будет просто *нечем*.

Суть духа Лжи в том, что он никогда не выполняет своих обещаний (такова онтологическая и метафизическая природа самой Лжи). Разрыв между теорией

(демагогией) и практикой (реальностью) у Противобога достигает абсолютной бездны. Имя этой бездне – небытие. Индивидуализация обернётся в его системе тотальным обезличиванием. И человек станет цифрой.

Будем надеяться, что технический прогресс по каким-то причинам остановится и подождёт человека, который сможет нравственно и духовно овладеть своими же созданиями. И определённые основания для такой надежды есть:

1) Запас прочности тысячелетних иерархий ещё не настолько творчески исчерпан, как это мнится идеологам неолиберализма.

2) Зато запас терпения Планеты как живого организма и запас её материальных ресурсов подходит к тому рубежу, когда темп технического прогресса (в его одноразовом нарастании) вступает в непримиримое противоречие с жизнью Планеты в целом.

Оба этих глобальных фактора в совокупности могут развернуть человеческую цивилизацию и направить её по непредставимому пути, который не укладывается в плоские бинары неолиберализма вообще и его футурологического рационализма в частности.

2016

III Свобода равно деньги

Простой, но наглядный пример: то, что мы платим за свой Воздушный Замок, а не нам платят за наш труд и наше творчество, это абсолютно логично для ныне господствующей над душами Системы, «системы неолиберализма», «денежного тоталитаризма» – у неё даже имени настоящего нет. Она, как радиация, проникает всюду, но за руку поймать её крайне сложно, в чём её несомненное превосходство над прошлыми тоталитарными системами, которые выглядят по сравнению с нынешней топорными, внешними и грубыми.

Мы платим за свою свободу. Свобода стала товаром: её можно продавать и за неё нужно платить. Товаром стало всё. Деньги – единственный критерий качества (труда, произведения, личности, идеи, отношений, всего на свете). Продаётся – хорошо, не продаётся – плохо. Всё просто и понятно.

Система неолиберализма – это подавившая иные системы ценностная система ростовщика. Для ростовщика бог (генеральный критерий) – деньги, и только деньги. Всё измеряется ими и только ими.

Неолиберализм ни к чему так не апеллировал и ничто так не превозносил, как свободу. Свобода стала идолом. Все альтернативные иерархии и неравенства, кроме финансового, этой идеологией названы «врагами свободы», «носителями власти», а все сакральные ценности – закабаляющими личность. Война с системами-конкурентами велась на их полное уничтожение. В результате, денежная иерархия становится единственной и универсальной, а место в ней определяет ценность и качество всему.

Если при наличии в мире альтернативных иерархических структур и разных систем ценностей творческая личность могла лавировать между ними и тем сохранять свою свободу, то в системе неолиберализма свобода и деньги становятся синонимами, а формула «свобода = деньги» безусловной аксиомой, нравственной шкалой, религиозной догмой, тотальным критерием. Эта формула не подвергается сомнению ни на сознательном, ни на бессознательном уровне: это единственный универсальный и безотказный регулятор социального бытия.

Мир неолиберализма – это сбывшаяся мечта ростовщика, вынужденного мириться веками с различными иерархическими структурами и нравственными ценностями, в которых он, ростовщик, был едва терпим и занимал маргинальное положение. Неолиберализм – месть ростовщика религиозным, аристократическим, творческим и моральным ценностям. Деньги – божество ростовщика, и это божество должно победить других богов, стать на место верховного бога и даровать поклонившимся ему свободу. Именно – свободу.

А защищать эту свободу призван юридический закон и полицейские институты, его обслуживающие. Нравственно то, что легитимно и юридически обосновано. Равенство всех перед Законом, как перед Богом, является догмой неолиберализма. Но сам Закон – не бог, но лишь инструмент подчинения воли богу. Бог же – деньги. И потому именно деньги обуславливают разные степени

равенства и перед Законом: место в финансовой иерархии определяет нишу, в которой Закон действует иначе, чем в других нишах. Бедный и богатый равны перед Законом совершенно по-разному.

Нравственный и творческий авторитет является функцией банковского счёта. Все остальные критерии, включая авторитет отца (и авторитет Отца), отступают перед ним. Дети становятся таким же товаром, как и всё в мире. Если картина не продаётся, если у старшего в роду нет весомого счёта в банке, то ценность картины и ценность морали этого старшего ничтожны. Если же стульчак от унитаза, названный искусством, продаётся, а имеющий солидный банковский счёт человек доказал в суде своё право отбирать чужих детей, то не подлежит сомнению ни качество картины-товара, ни нравственное право растлителя. Так ростовщик создаёт внешний мир по образу и подобию своего мира внутреннего.

Верующему Бог даёт свободу. Свобода = деньги. Свободу можно продать. И за свободу нужно платить. И мы платим за свою свободу. И мы продаём свою свободу. Это внешняя формула бытия в Системе. Внутренняя же её суть сводится в схожую формулу, но с отрицательным знаком. Убыль одной части равенства означает прирост другой, и наоборот.

Вся философия неолиберализма («мистического анархизма» и проч. ответвлений) сводится в конечном итоге к формуле «свобода = деньги». Ничего пошлее история философии не знала никогда: провозглашая на словах свободу личности верховной ценностью, свести эту свободу на деле к денежному эквиваленту, сделав его тотальным и универсальным.

Иные системы ценностей и иерархии – это враги свободы, конкуренты. Сакральным для идеологии неолиберализма является только количество нулей. Иным иконам можно подрисовать рога, и это будет благим поступком, освобождением личности. Подрисовать же нули на денежной иконе – преступление и кощунство, которое должен покарать юридический Закон, легитимная инквизиция неолиберального божества.

Деньги – это святое, потому что это свобода. Справедливость определяется денежным регулятором, устанавливающим справедливое социальное (и культурное) неравенство, на страже которого стоит юридическая инквизиция, провозглашающая равенство всех пред Законом. Но сам Закон является лишь инструментом божества, банковского счёта, количества нулей на нём. Счетоводы всех мастей становятся жречеством этого божества и составляют элиту общества. Само же общество, утратив все древние и традиционные системы ценностей, руководствуется элементарной формулой «свобода=деньги».

Пирамида качества переворачивается. Человек превращается в функцию. И денежная иерархия, и юридическая процедура не имеют лиц, не знают и не видят лица. Индивидуум теряет личность, утратив корни и связи с тысячелетними традициями. Именно эти корни и связи неолиберализм прежде всего объявляет врагами свободы и ведёт с ними войну, ибо нельзя служить разным богам одновременно. Неолиберализм – это вера и религия денег. И с сакральными, нравственными и культурными иерархиями он ведёт

религиозную войну, не знающую никаких компромиссов и никаких моральных тормозов.

Показательно, что из формулы «свобода = деньги» исключена составляющая «время». Время связывает индивидуума с историей, а значит – через память – с конкурентными иерархиями и силами. Но индивидуум должен знать лишь одну силу и свободу – силу и свободу денег. Остальные потребности отрегулирует Закон. Индивидуум должен быть свободен от всего: от себя самого, от семьи, от памяти, от культуры, от религии, от морали, от совести, но знать цену деньгам и безропотно подчиняться Закону. Моральная оценка любому действию определяется только двумя вещами: можно ли избежать юридического преследования и добавить нулей на свой счёт. Последним же определяется и оценка окружающими твоих действий, и твой авторитет, и место в обществе. Что в искусстве, что в личности – качество и содержание не имеют никакого значения, а их ценность приравнивается к цене. И эта цена обуславливает твою свободу. Так что мы ещё дёшево отделались в своём Воздушном Замке...

2016

IV Мы все предатели

Ваятель душ, воззавший к жизни племя
Страстных глубин, провидел наше время.
Пророчественною тоской объят,

Ты говорил, томимый нашей жаждой,
Что мир спасётся красотой, что каждый
За всех во всём пред всеми виноват.

Максимилиан Волошин. «Трихины»

Мы все предатели. И это залог нашей свободы.

Человек на каждом шагу предаёт свою свободу. И другому может простить всё, кроме предательства. Не на словах, на деле. Как уважать предателя – без тени снисходительного презрения за пазухой? – как довериться вновь, до конца, без оглядки на прошлое, тому, кто уже раз предал и... вновь предаст? Предаст, куда денется: се – человек.

Взглянуть на себя в зеркало – прямо, без утайки, без кривляний: что может быть страшнее такого взгляда? Это чистое, бескомпромиссное зеркало и есть совесть: подлинное «Я», будущее «Я». И оно не прощает своего предателя, судит.

Бог всех прощает и никого не судит.

Если человек не марионетка, не раб бессмысленный, сваливающий всё на искусителя-дьявола («плохого барина»), если человек ответствен за свой выбор, то он – предатель. Если свободен – то предатель. Если раб, то пострадавший и не виноват: виноват злой барин.

Так – кто: предатель или раб?

Без дураков, начистоту: кто?

Вот почему человек так боится свободы, пуще всего на свете. Приняв ношу свободы, он вынужден признать своё предательство: свалить не на кого, сам во всём виноват, сам предал, сам поддался соблазну, сам отрёкся, сам струсил... Сам.

Тяжек, страшен крест свободы. Вот и мечется человек в поиске, на кого бы свалить ответственность: атеист – всё списывает на среду, на обстоятельства, на воспитание, на генетику, на политику; оккультист – на искажённые (кто искажил?) законы, на карму; верующий – на дьявола («всемирный козёл отпущения»).

Дьявол и есть абсолютный предатель, нижняя, последняя точка предательства: тьма как таковая, сгусток небытия, ложь в абсолюте. И как просто свалить всё на него!

Был рай, но вторгся змей-искуситель и всё испоганил. А мы люди хорошие, слабые, незащитные... Евреи Христа распяли, мы тут ни при чём. Это всё они: демоны, фарисеи, жиды, законы, цари, помещики, бюрократы, коммунисты, космополиты, англосаксы, оккупанты, фашисты, русофобы, сталинисты, либерасты, природа, законы, обстоятельства, нужда, олигархи, инстинкты, патриоты, они, оно, он. Таков мир. Мы не виноваты. При чём тут мы?

Раб всегда ни при чём. Ему не стыдно. Стыдно свободному, барину. Рабу нет. Рабу плохо и тяжело, но в глубине – хорошо и легко, потому что не стыдно.

Дорогие мистики и родонисты всех мастей, давайте разберёмся. Раз и навсегда. Где этот дьявол, всё извративший и всё испоганивший (так и есть, кто бы спорил), но – где он? каким образом он достиг такой могучей победы? каков, так сказать, «механизм» её достижения? И тут вылезает очень неприятная для нас закавыка и развилочка...

Тут либо человек свободен и дух его – в вечности. Либо – смертен и раб, вошь дрожащая. Второй вариант лишает смысла любое рассуждение о добре и зле: со вторым вариантом не о чем говорить. А первый – приводит неизбежно к тому выводу, что человек – по сути – предатель. Если довести мысль до конца, а не прятаться на полдороге в кусты софизмов.

Вот как предатель с предателем я и хочу дальше разговаривать с читателем (не-предатели могут быть «свободны»). Поговорим, по-нашему, по-предательски, без маски (все свои), без увиливаний и подмигиваний.

Пока мы не предали Бога, Христа, Его Замысел, никакой дьявол ничего с нами сделать не может (где этот фашист и оккупант окопался? В сердце человеческом). И лишь предав Бога и Христа в сердце своём, мы даём возможность дьяволу влиять на законы мира сего. Только так и никак иначе.

Если человек – в духе своём – вечное существо... А кто нам дал право усомниться в этом? Христос усыновил нас на Кресте. Нет? Не виноваты мы: не было нас в толпе, вопившей «Распни Его!» – не было? А где были? Тут ведь как: либо дух человека вечен, либо смертен; если не было в прошлом его, то он конечен и в будущем; всё находящееся внутри времени – конечно, смертно. Если дух человека вечен, то он над временем и больше времени: всё временное – внутри вечного духа; всё космическое время, от первого мига до последнего, всё есть путь и судьба духа. Время и есть путь и судьба. Всё время, целиком. Иначе – не дух, а раб, смертное, сиюминутное существо, случайная комбинация атомов. Других вариантов нет: зародившееся во времени – во времени и умрёт. Разница между тысячелетием и минутой ничтожна на весах вечности.

Каждый из нас, в неисследимой глубине своего вечного и свободного духа, предал Бога, был в толпе, кричавшей «Распни Его!», клюнул на наживку Врага, поддался дешёвому обаянию, фокусам и демагогии Воланда, променял своё первородство на чечевичную похлёбку, славу, деньги, похоть, лень. Рабом быть

проще. Но становится человек рабом добровольно, предавая свою свободу, дарованную Христом на Кресте каждому из детей человеческих. Дорогой ценой куплена наша свобода. Иуда – вот бессмертное зеркало человека (простим ли мы своё зеркало?)

Хочется быть Петром, Савлом-Павлом, Иоанном... Пока до дела не дошло, пока выбор не стал во всей своей грубой конкретике. Сейчас, устраюсь в тепле, ещё чуть-чуть, временно сдав кусочек свободы, временно... Но «чуть» не бывает: свобода не разменивается, она целостна. Дух не дробится. Быть чуть беременным свободой или рабством невозможно: раб разрастается в душе, как раковая опухоль, из одной клетки, из ничтожного дьявольского семени, стоит только прислушаться к нему, внять его «аргументам и фактам» (о, у него полно в рукаве и аргументов, и фактов, он вообще большой спец по доказательствам!) Чтобы забеременеть рабским семенем, ему отдаться надо, добровольно. Изнасиловать дьявол не может дух человеческий: Христос стоит на страже свободы каждого сердца. Никто не может сделать за нас выбор, кроме нас самих.

Искуситься и есть предать. Первородный грех, как любой грех, и есть предательство, совершённое в глубине духа и совершаемое по сей день. Только в результате предательства каждого из нас дьяволу удалось исказить и изуродовать наш мир, изолгать Замысел Логоса.

Подлинно существует лишь тот, кто имеет духовный центр – вечный внутренний логос. Каждый живущий в нашем мире ответствен за этот мир: за весь мир – со всеми его тяжёлыми законами, страданиями, борьбой за существование, взаимопожиранием, конкуренцией, торгашеством, болезнями и смертями, – всё это следствие моего предательства: я живу в том мире, который выбрал сам. И этот выбор включает в себе яд предательства («семя дьявола»). Первородный грех проявляется в разных облициях вовне, но в глубине своей – это предательство Божьего Замысла, предательство Свободы.

Или – я ничего не выбирал? меня никто не спрашивал? Но тогда я – раб. И это тоже мой выбор.

Только осознав и приняв своё предательство – как первопричину всех бед в мире, – можно выйти из проклятого и замкнутого круга противоречий, разорвать рабыи цепи. Стать свободным – значит взять на себя, только на себя, не сваливая ни на дьявола («плохого барина»), ни на объективные законы («результат выбора»), ответственность за свою судьбу – судьбу мира. История мира – моя история, моя судьба, мой путь и выбор. И выбор этот отвратителен – это выбор предателя. Принять крест свой и есть принять ответственность за всё зло мира. Не будь совершённого в глубине моего духа предательства, не скажи я в сердце своём злу «Да», а Богу «Нет», – бессильно было бы зло в мире, не один волос не упал бы. Бог распинается за нашу свободу. А мы уваливаем

всеми силами от неё: соглашаемся на любые ужасы и бухенвальды, лишь бы не быть свободными. Нет для человека ничего страшнее свободы.

Предатель никогда не говорит прямо «да» или «нет», он всегда виляет, скрывается...

В последней глубине мы свободны и чисты. Совесть – это и есть наше подлинное вечное «Я», Божий Замысел обо мне. И совесть знает, что говорит: не считаясь ни с кем и ни с чем, вне компромиссов и доказательств, аргументов и фактов, нелицеприятно говорит она истину.

Все искушения, все подлые голоса в нашем сердце, толкающие человека по дороге предательства, стараются заглушить голос совести. Это – не наши голоса! Это вторжение в наш внутренний «эфир» искусителя.

И здесь очень важно отдавать себе трезвый отчёт и ни в коем случае не идентифицировать своё «я» и эти искушения (только и ждут они такой ложной идентификации от нас!) Нет, это не мой голос, это не я говорю: дистанцироваться, отмахнуться необходимо от всех этих навязчивых нащёптываний. Чтобы свободно идти своим путём, не сваливая выбор ни на кого: «еже писахъ – писахъ».

Прислушаться надо к чувствам, не путать Божий дар с яичницей, любовь с ненавистью: какие чувства порождает в душе тот или иной голос – таков и источник.

Мы принимаем в себя все голоса мира, рая и ада: наш внутренний эфир – форум голосов, но наше подлинное «Я» – совесть.

И каждый наш выбор – творит наш путь, нашу личность. Личность и есть путь, а не точка в пути: весь путь, вся история. Личность творится. И только в этом смысл истории, смысл страдания и креста.

Наш мир – это наш выбор. И всё злое в нём – следствие нашего «Нет» Богу.

Бог уважает нас. Он любит и знает наше сердце. Дьявол не любит и не уважает никого. Предателя презирают все, но больше всех тот, на чьи искушения поддался предатель. Искушает, потому что не уважает (трус). Уважает Тот, кто знает глубину, а это знание даётся только любовью.

Спор Великого Инквизитора с Христом – это спор о человеке. Великий Инквизитор сам предал и считает всех предателями. И спорить с ним невозможно: он всегда и во всём прав. Прав, потому что человек ради счастья отказывается от свободы. До поры до времени...

Но Великий Инквизитор и его Хозяин не знают последней глубины человека (она сокрыта от их безлюбых очей и холодного разума). В этой последней глубине – Христос, свободное богосыновство.

Принимая мир – как крест – свободно, принимая свою вину, осознавая своё предательство, мы разрываем рабы цепи Великого Инквизитора! Христос прощает всех. Мы осуждаем и не прощаем, терпеть не можем предателей: не

хотим видеть своего зеркала, хотим быть *заслуженно счастливы*. Нас искушают именно *заслуженностью* счастья. Здесь очень тонкая грань, переступив которую, становишься на путь раба, путь предательства.

Даниил Андреев приоткрыл нам «иномирную» завесу, помог увидеть всю грандиозную сложность мироздания, присутствие в нём Великих Иерархий, показал борьбу Сил Света и Тьмы – в лицах. Знания помогают делать свободный выбор. Но знания могут и подтолкнуть наше сердце, чтобы свалить на объективную реальность, на Великие Иерархии свою ответственность за судьбу мира. Человек не марионетка. От выбора человека зависит судьба мира и судьба Иерархий так же, как наша судьба от них. Связи с иномирным – смысловые, а не причинно-следственные.

Я не хочу сваливать на дьявола ответственность за свою тьму, за своё предательство. Пусть он отвечает – за себя. А я – за себя. Я свободно пришёл в этот мир, свободно принял его реальность, свободно согласился с его законами. Этот мир – мой выбор. И я хочу отвечать сам за свой выбор, изжить и пройти его до конца, без всяких киваний на «злого барина». Только так я могу понять христианскую мысль Достоевского: «Согрешив, каждый человек уже против всех согрешил и каждый человек хоть чем-нибудь в чужом грехе виноват. Греха единичного нет.»

2011

V

Богочеловеческий и человекобожеский синтез

реальность и утопия

1.

Несколько лет в разделе «Философия синтеза»² рассматриваются различные подходы к синтезу, методологии и предметы, которые должно синтезировать. Примем, как аксиому, благую *цель* этого синтеза – полнота, всеединство, обогащение, духовный рост.

Теперь попробуем выделить те базовые утверждения, что не вызывают разногласий, как некое «дано». И далее посмотрим, какие существуют *пути* для осуществления синтеза и в чём их *смысл*.

Дано:

1. Реальность.
2. Человечество, способное эту реальность осмыслять.
3. Философия – работа со смыслом реальности и человечества.
4. Разные тысячелетние религиозные картины мира, творящие свою мифологию. Есть философские школы, работающие со смыслом религиозной мифологии. Все религиозные традиции занимают определённые культурные лакуны в человечестве, но ни одна из традиций и её философия (как правило, это несколько школ) не имеют общечеловеческой универсальной убедительности.
5. Начиная с эпохи Возрождения, из религиозной сферы выделяется наука как независимое мировоззрение, апеллирующее к объективной реальности и практическому опыту, общих для всего человечества и не вызывающих разночтений. Постигаемые наукой истины становятся общеобязательными, подтверждаются практикой и не обуславливаются религиозной мифологией и её философией.
6. Для осмысления научной картины мира (объективной реальности, не зависящей от религиозных взглядов) формируются философские школы, имеющие свои истоки в античной философии. В отличие от научных истин, ставших общими для всех культур и для всех людей, единой философской системы создать так и не удалось. Внутри научной картины мира (научного мифа, научной религии, поклоняющейся объективной реальности так же, как религии прошлого – Божеству) сосуществуют взаимно противоречивые философские школы: несколько течений материализма и ещё больше школ идеализма.

² Авторский проект Сергея Борчикова: <https://rmvoz.ru/forums/index.php?board=154.0>

Это то «дано», которое вроде бы не должно вызывать возражений. Далее следуют вопросы, сама постановка которых направляет мысль по разным путям в поиске решения задачи:

Является ли разнообразие и взаимная противоречивость религиозных картин мира заблуждением, недоразвитостью религий; и возможно ли, и нужно ли синтезировать религиозные мифы и осмысляющие их философские системы?

Являются ли недоразумением (стадией) отсутствие единой философской (метафизической) системы и неразрешимые пока противоречия между теми философскими школами, что провозгласили свою независимость от религиозных мифов и опираются на объективную реальность, познаваемую наукой и подтверждаемую практикой?

Если научная истина (совокупность истин) стала единой для человечества, то отсутствие такой же единой философско-метафизической системы и неспособность философских школ, уже эмансипировавшихся от религий, преодолеть разъединяющие их противоречия не есть ли следствие человеческой косности, имеющей исток в косности религиозного мировосприятия, и нужно ли эту косность наконец-то преодолеть и создать единую общечеловеческую философию?

В зависимости от ответов на эти вопросы мы получаем разные направления осуществления синтеза, а также разный смысл, вкладываемый нами в понятие всеединства. Перебрав всё множество вариантов, в итоге мы обнаружим только два основных духовных вектора, которым принадлежат всевозможные пути философского синтеза – *богочеловеческий* и *человекобожеский*. Ниже постараюсь показать, почему это так.

Если многообразие религиозных мифов является следствием ограниченности человеческого разума, то на определённой стадии эта ограниченность принципиально преодолевается. Тогда теоретически возможно согласование религиозных мифов, различных религиозно-философских школ и созидание непротиворечивой и единой религиозной картины мира и религиозной философии. И это будет благом, всеединством, ростом.

Если же многообразие религиозных мифов является Промыслом – следствием укоренённости их в духовном мире, по отношению к которому мир эмпирический (объективная реальность, исследуемая наукой) есть лишь часть, мир относительный, символизация наиреальнейшей духовной реальности, а не сама реальность, – тогда для каждой из религиозных систем становится общей аксиома о *принципиальной невместимости* в мир относительный Абсолютной Истины духовного мира. Тогда Истина Целого являет Себя в нашем мире в

различных *проекциях*. Совместить эти проекции в одну непротиворечивую систему на плоскости относительного мира невозможно (и не нужно).

Тогда искомый синтез и всеединство могут состояться только в вечности, а не во времени. Во времени же может измениться *отношение* различных проекций Истины друг к другу, что поменяет вектор противостояния и вражды на вектор взаимопонимания и диалога. В первую очередь перемена отношения к Истине и её выражениям во времени скажется в исчезновении претензии каждой из систем на обладание абсолютной Истиной.

Тогда *всеединство* станет *процессом общения* различных проекций Истины, благодаря которому синтез состоится не внутри нашего мира как его феномен, но в духе. Никакой единой религиозной мифологии и религиозно-философской системы такой синтез не даст, но он даст *взаимный интерес и взаимное понимание* разным системам, с сохранением их различий и *устранением самой претензии эти различия нивелировать в одной системе*.

Тогда *поливариантность истин* становится нормой, а звучание вечности – *полифоническим*.

Если противоречия эмансипировавшихся от религий философских школ являются стадией и должны быть преодолены на стадии высшей, то синтезом этих школ должна рано или поздно стать *единая метафизическая система, опирающаяся на единую научную истину*.

Если, несмотря на единую научную истину, философские школы так и не смогут договориться и выработать единую метафизическую систему, это можно расценивать двояко:

- 1) Как невозможность преодоления человеческой косности. То есть – зло.
- 2) Как принадлежность даже эмансипировавшихся от религиозного мировоззрения философских школ духовному миру, хотя бы частично.

Расшифрую немного второй тезис. Если наука ни в каком религиозном мифе не нуждается и творит свой (миф об объективной реальности), то философия по самой своей природе имеет истоком мир духовный, осознаёт или нет это та или иная школа. Смысл (логос) – это прерогатива духа. И как различие религиозных систем является необходимым условием отражения Высшей Духовной реальности через многообразие Её проекций в относительном мире, точно так же и разнообразие философских школ, даже формально эмансипировавшихся от религии или вовсе отрицающих духовную и мистическую первореальность, есть необходимое условие существования философии как самоценной области познания, а не как обслуживающего жречества научной религии (религии от мира сего). Философские школы невольно отражают то же, что и религии: отношение духовной первореальности (вечности) и реальности относительного мира. Философские школы являются такими же символами (проекциями-окнами) Единой Истины, как и религии, и невольно повторяют собою историю религиозных систем. Аналогию можно проследить весьма отчётливую в истории философии.

Получается, что главной трудностью на пути синтеза философских школ является их принадлежность не только человеческому плану бытия, но и духовному миру. И синтез их, как и синтез религий, может быть осуществлён только в вечности, а не во времени. Во времени же всеединством философии будет содержательный диалог разных школ без претензии свести их в одну систему.

Для религиозной философии этот вывод понятнее потому, что синтез в одной системе при отсутствии единой общечеловеческой религии осуществим лишь ценой отказа от собственной религиозной принадлежности, но этот отказ приводит к исчезновению религиозной философии как таковой и ставит её в один ряд с эмансипировавшимися от религии философскими школами. Последние вроде бы должны синтезироваться по аналогии с наукой, но на деле ведут себя как религии и никак не хотят поступаться чем-то таким, что как бы и не важно, но оказывается той изюминкой, что только и делает философию искусством мысли, а не формальной методологией.

Если же синтез философских школ таки состоится как единая система, то философия схлопнется во времени и оборвётся её связь с вечностью. Более того, непомерно возрастет гордыня философии. Пока существуют разные философские школы и разные религии, оба способа познания могут относиться друг к другу с уважением. Но если философия, как и наука, станет единой и общечеловеческой, а религии останутся разрозненными, то мысль о превосходстве философии над религией не сможет не посетить миллионы умов (просто будет витать в воздухе). Если человеческая философия осуществит синтез, в отличие от религий, то ни в каком Боге человек нуждаться не будет, но сам станет богом.

Богочеловеческий синтез – это синтез в вечности. А во времени – это процесс, общение систем.

Человекобожеский синтез – это синтез во времени в единую систему, не нуждающуюся в выходе в духовный объём.

Первый недостижим как *результат* в нашем мире, пока мир не перейдёт в вечность. И потому *реален*.

Результат второго – окончательное схлопывание мира сего в самом себе. Но сие есть *утопия*.

2.

Теперь расшифрую тот смысл, что я вкладываю в понятие «**человекобожеский путь синтеза**». В человечестве уже состоялся научный синтез как признание научных истин общечеловеческими и общеобязательными. Этот синтез

произошёл ценой устранения из научной методологии алхимии, астрологии и других эзотерических систем. Формула истины «наукой доказано» стала убедительнее «Слова Божьего» или «это говорит Бог» (у пророков).

Религиозный и философский синтез пока не состоялся в человечестве: нет ни одной религиозной истины или философской системы, которая бы имела такой же общечеловеческий и общеобязательный характер, как методология научного мировоззрения. Научный синтез относится к человекобожескому пути – без оценки – по определению:

1. Научная методология не нуждается ни в признании Творца, ни в признании Божественного и Духовного мира, высшего по отношению к эмпирическому миру, как Целое – к части или как реальность – к символу. Равно как и не нуждается в отрицании Божества (последнее является обязательным только для религии атеизма, которую не обязан исповедовать ни учёный, ни кто-либо принимающий научные истины за общечеловеческие). Непременным условием научного синтеза является только условие вынесения религиозных вопросов в сферу личной субъективности. И в этом смысле научный синтез есть чисто *человеческий*.

2. Научная методология принимает как первичную волевою установку возможность человека применять полученные при помощи этой методологии знания к окружающей среде. По отношению к природе научный синтез ведёт себя как божество, которое руководствуется только своими интересами и своей волей. Никакого согласия у Природы не спрашивается, она выступает в роли мёртвой материи, из которой можно творить те или иные формы, угодные божеству-науке. И в этом смысле научный синтез – это человекобожеский путь.

3. Те редкие голоса, которые раздаются изнутри научного сообщества о том, что Природа – это живые духовные существа, многие из которых мудрее человека и его науки, что с ними нужно выстраивать диалог на совершенно иных и прежде всего нравственных началах; что в мире действует творческая воля Бога через никак наукой пока не осмысленное Время и что согласие с этой волей определяет смысл и результат научных экспериментов, вплоть до невообразимых в старой научной парадигме результатов, – все эти голоса отвергаются по одной простой причине: человекобожеский путь научного синтеза закрывается при таком изменении отношения к миру и Природе. Принятие равноценности и паритетности новой научной парадигмы (например, козыревской) меняет на противоположный путь научного синтеза – с человекобожеского на Богочеловеческий.

Вот эти три аргумента (третий от противного) и позволяют отнести научный синтез, сделавший научную истину общечеловеческим достоянием, к *человекобожескому пути*.

Возможен ли синтез философских систем в единую метафизическую систему, общечеловеческую, научную и общеобязательную? И на каком пути этот синтез достигим?

Я берусь утверждать, что синтез всех философских школ в единую систему возможен только теоретически и только на *человекобожеском пути*. Причины:

1. Неизбежность исключения ради такого синтеза из единой метафизической системы религиозно-философских ликов. Неизбежность такого исключения вытекает из принципиальной невозможности создания единой религиозной философии в нашем мире – просто по определению религии как мировоззренческой системы, имеющей свой исток в Духовном Мире и в Боге. Религия формируется через Откровение Высшей реальности. Эта духовная аксиома является общей для всех религиозных систем без исключения (кроме религии атеизма и, с некоторыми оговорками, пантеизма). И эта аксиома делает невысказанным адекватное отображение в одной человеческой системе Абсолютной Истины Божества и Духовной Вселенной. Соответственно, и свести религиозные системы в одну можно только ценой отказа всех религиозных систем от самих себя в пользу одной (например, одной из христианских конфессий или их объединения, что оказывается проблематичным по той же причине несовместимости Откровения в одну систему в нашем мире). Так как единую религиозную систему (как систему с общей догматикой) создать не представляется возможным, если религия не откажется от самой себя, то и ни одну религиозную философию нельзя включить в общечеловеческую философскую систему, если эта философия не пожертвует своей религиозной принадлежностью, то есть, если она не отречётся от своих духовных корней. Для общечеловеческого синтеза придётся вычленять из каждой религиозной философии что-то общечеловеческое, а её религиозную идентичность выносить за скобки. Это будут делать люди-философы, а не Божественное Откровение, благодаря которому и появилась в мире та или иная религия и её философские течения. Таким образом, это *чисто человеческий путь*, не нуждающийся в Божественном Откровении, более того, выносящий всё, что от Откровения, а не от человеческого разума, за скобки.

2. Но и внерелигиозным философским системам для создания общечеловеческого философского синтеза необходим отказ от Духовной Выси и Глубины. Только ценой такого отказа можно свести все школы в одну. В противном случае, каждая философская школа придёт к тому же, к чему и религиозные системы: к невозможности адекватного отражения в одной человеческой системе Высшей Духовной Истины. Если Высшая Духовная реальность принимается как Целое и Абсолютное, по отношению к которому относительный мир является частью и символом, то вместить в одну, даже грандиозную проекцию-символ в этом мире Абсолютную Истину невозможно. Более того, только наличие в нём разных *проекций истины* делает возможным прозревание духовного объёма Истины Абсолютной. Как только все философские системы, поступившись своими различиями (переосмыслив их в пользу единой системы), придут к метафизическому единству в нашем мире, так они оставят в нём *только одну проекцию истины*, тем самым закроют философствующему разуму выход в Духовный Объём. А это и есть отказ от собственной Духовной Выси и собственной неповторимости.

3. Сотворить единую философскую или метафизическую систему внутри человеческого мира человек может только тогда, когда возьмёт на себя функцию Божества и сам будет решать, что из религиозных и философских систем брать для синтеза и что не брать. Это и есть творчество истины, но исключительно в рамках человеческого разума и без приоритета Божественного Откровения над человеческим философским творчеством. Это и есть *человекобожеский* путь, когда человек берёт на себя функцию Бога в творчестве единой общечеловеческой истины, а её отражением и должна стать единая метафизическая система.

Я уверен, что не только религиозные философские школы не поступятся своей религиозной идентичностью ради общечеловеческого философского синтеза, но и ни одна из глубоких внерелигиозных философских школ не откажется от того отблеска в ней Духовной Выси, что делает эту школу неповторимой, уникальной и узнаваемой в полифонии человеческого познания. Пусть грядущий синтез сулит небывалое превосходство философии над религиями, такое же, какого достигла наука в гуманистическую эру, но что-то слишком важное, несказанное, оригинальное придётся каждой из школ из себя исключить ради грядущего апофеоза общечеловеческой философии...

Вот эта уникальная несказанность философских ликов и не даст состояться общеполитической утопии. И здесь кроется сущностное отличие философии от науки: философия оказывается не только не наукой (была бы наукой, то давно стала, как наука, единой), но и не принадлежащей только человеческому миру. А всё, что имеет исток в Духовном мире, не может быть ни вмещено целиком в мир человеческий, ни сведено в нём в единую систему.

Исходя из утверждения о духовном и внемирном истоке человеческих философских ликов, я утверждаю, что человекобожеский путь синтеза для философии закрыт. А если такой синтез состоится, то он будет смертью философии как смысловой связи человека с Духовной Родиной. Множество философских школ и ликов делают реальным другой путь синтеза, на котором эти лики не нивелируются в одну общечеловеческую систему, но раскрываются в общении. Это Богочеловеческий путь синтеза, с совершенно иными приоритетами и методами. Но прежде, чем поговорить о нём, нужно было назвать вещи своими именами и показать два противоположных пути синтеза.

Человекобожеский путь синтеза начинается с мысли, что многообразие истин, философских и религиозных систем есть промежуточная стадия развития человеческой мудрости. И если с религиями и национальными культурами вопрос об объединении их в некоем синтезе вызывает огромные трудности и пугает возможной унификацией и обеднением, то с внерелигиозными философскими школами кажется задача принципиально решаемой, ведь смогло же человечество выработать единые для всех научные дисциплины и методологии, почему этот путь заказан для философии, если она перерастёт субъективность и косность религий?

Богочеловеческий путь синтеза начинается с мысли, что разнообразие культурных, религиозных и философских ликов входит в Божественный Замысел и санкционировано Свыше. И унификация этих ликов является противобожеской волей. Только разные *проекции истины* позволяют человеку подняться над собой и почувствовать Духовную реальность Целого. Этому же служат и разные философские школы, как религиозные, так и внерелигиозные. Более того, общечеловеческая универсальность научного познания заканчивается тогда, когда появляются разные научные пути, исходящие из разного отношения к Природе, Космосу, Времени и Богу.

Как только Природа оживает и из мёртвой материи становится населённой многими духовными существами, творящими плоть Природы, так и Космос начинает говорить с человеком языком Великих Духов, а согласование научных методов и целей с нравственным законом и волей Бога, проявляющей себя через вдруг ожившее и ставшее осмысленным Время, становится научной методологией, приносящей неожиданные и потрясающие результаты. И тогда общеобязательная и единая научная истина уходит в прошлое, а наука, как и философия, как и религия, становится поливариантной и полифонической. Наличие в мире разных математик, физик и химий не такая уж и фантастика, а для духовного роста человека и для его диалога с Природой (оказавшейся весьма разумной и живой, а не пассивной материей) научная полифония будет очень полезной, обогащающей и самого человека, и мир. Как сейчас его обогащает религиозная, культурная и философская многовариантность. И такая многовариантность появляется и *гармонизируется* только на Богочеловеческом пути синтеза.

Как может осуществляться на практике гармоничное общение философских систем друг с другом – через какие инстанции и за счёт чего? Об этом я и хочу поговорить дальше.

3.

Метафизика – наука?

Метафизика, как и философия, это наука только в том смысле, в каком наука – алхимия, астрология, богословие или Теория Времени Н.А. Козырева. Речь не идёт о ложности-истинности, но об объективности-обязательности истин. На сегодняшний день наукой – в точном смысле слова – признаётся только та дисциплина и та методология, которая ведёт к общим для всех культур и обязательным истинам. Метафизических систем, как и философских школ, множество. Единой метафизики и единой философии у человечества нет. На мой взгляд, и не будет.

Исходя из отсутствия единой метафизической системы в мире, называть метафизику наукой нельзя. Метафизику, как и философию, можно будет назвать наукой только в двух гипотетических вариантах развития событий:

1. Если состоится метафизический синтез как создание общечеловеческой метафизической системы. И будет признана общеобязательной единая метафизическая методология. Пока же существует множество метафизик и философий, включая религиозные или внесистемные философские лики отдельных мыслителей, которых нельзя отнести к какой-то школе, – до той поры ни метафизику, ни философию науками считать нельзя (и по определению объективной научности, и по методологии). К слову, по той же причине нельзя считать наукой и психологию, имеющую множество версий и школ. Психиатрию – можно, психологию – нет. Пока нет единой метафизической и философской системы, и метафизику, и философию с большим основанием можно отнести к *искусству мысли*. Хотя философский и метафизический способ познания отличается от художественного. Но ещё больше они отличаются от научного – того, что приводит к объективным научным истинам. Никаких единых для всего человечества истин и методологий ни метафизике, ни философии создать пока не удалось (увы или к счастью – оценка зависит от избранного духовно пути синтеза).

2. Если наука вплотную подойдёт к признанию объективности не синонимом научности. Тогда появится несколько паритетных научных направлений, каждое из которых не будет иметь общеобязательного характера, что никак не скажется на истинности направления. Квантовая механика уже вплотную подошла и к научным антиномиям (по аналогии с антиномиями религиозными), и к признанию субъективного фактора как одного из критериев истинности. Осталось сделать следующий шаг – и в мире появится несколько математик, физик и химий с разной аксиоматикой и методологией. Первой ласточкой субъективной истинности в науке была Теория Времени – как неповторимый Опыт личности Козырева. Неповторимость опыта может стать таким же критерием истинности научного эксперимента, как раньше была принципиальная его повторимость и независимость от личности учёного.

Путь синтеза как *гармонической поливариантности и полифоничности истин*, я и называю «Богочеловеческим».

Если наука перестанет быть единой и общеобязательной системой, а станет полифонией научных школ и даже личных научных путей, как путь Козырева, тогда и многовариантность метафизики, и полифонию философии можно будет признать наукой без всяких оговорок. Только зачем? Хочется быть наукой, когда научность – это критерий истинности. Научность же в классическом понимании есть объективность, общеобязательность и независимость от личности.

Нужно ли метафизике и философии становиться объективными, общеобязательными и внеличностными? Для меня это вопрос риторический: и не нужно, и вредно для философского пути познания. Но на вкус и цвет товарищей нет, поэтому я вполне могу уважать и претендующую на общеобязательную объективность метафизику, но с допущением: лишь в качестве одного из паритетных и равноценных метафизических путей и

философских типов. А не единственным и универсальным, каким пока является, например, математика.

Пока является – в слове «пока» сокрыт до поры невообразимый расцвет науки будущего. За отказом от общеобязательной объективности открывается колоссальное пространство новых путей и новых истин, закрытых от науки только её претензией на объективную научность и независимость от личности. Стремиться к такой же объективности для метафизики и означает закрыть для себя большинство дорог истины.

Человекобожеский путь синтеза – это одна линия, причём тупиковая.

Богочеловеческий – это гармония сфер.

4.

Откровение первично

Сначала появляются первые произведения искусства, а уже потом теория искусства. Сначала – поэзия, а потом поэтика. Сначала человек входит в воду и начинает плыть, а уже потом появляются методологии плавания и тренерские школы. Сначала человек начинает искать смысл жизни и мыслить, а уже потом появляются различные философские школы с их методологиями.

Я не знаю ни одной сферы, хоть как-то связанной с духовной и даже душевной жизнью человека, где бы сначала появилась методология, поэтика, школа, сущность, а уже потом опытное освоение этой методологии, поэтики, школы, сущности, которое бы принесло феноменальные плоды. Сначала появляются первые феномены, а уже потом в них ищутся формальные взаимосвязи и формируются благодаря этим взаимосвязям школы. Причину этого я вижу в первичности духовного мира по отношению к миру форм.

Вопрос: кто этот «кто-то», кто создал само мышление? Это человек-философ или Тот, Кто создал самого человека мыслящим?

5.

Человекобог или Богочеловек?

До возникновения методик мышления человеку *открывается* духовная высь и глубина. Откровение, исходящее не от человеческого разума, но от Высшего Духовного Мира, предохраняет человека от «химер и фикций чистого разума» лучше всех формальных методологий вместе взятых. Философия зародилась в мире как попытка осмысления Откровения и творимого через Откровение религиозного Мифа. Духовное Откровение первично. Именно Откровение облекается в плоть Мифа. И уже потом человек пытается осмыслить открывшееся ему в Мифе и в Духе. Поиск и сотворение *смысла* и есть философия.

Творение же новых сущностей философствующим разумом – это лишь один из путей обретения *смысла* в открывшемся духу. И насколько творимые разумом сущности будут органичны Откровению и символизирующему его Мифу, настолько эти сущности жизнеспособны в культуре. Те же

метафизические сущности, что сотворены только человеческим разумом и не имеют истока в Духовном Мире и Откровении, будут мертворожденными (человекобожеский путь).

Прежде чем перейти к раскрытию того варианта философского синтеза, который я в заглавном тексте обозначил как *общение проекций*, вот ещё какой момент хочу затронуть:

Освоение философией наукообразного языка с привлечением мощного математического аппарата обогащает, расширяет возможности философии и способствует ли искомому синтезу?

Казалось бы, вопрос элементарный и ответ на него очевиден: привлечение нового языка и нового мыслительного аппарата, конечно, должно обогащать философию и тем сближать разные философские системы, создавая для них своего рода межсистемный язык, общие методологические пути и т.д. Тут вроде бы и обсуждать нечего – нужно просто работать.

Но это для специалистов всё понятно. А у дилетанта другой ракурс – и от него не так легко отмахнуться. Специалисту не до того: он погружён в задачу.

Проблема ведь не в том, что сложность языка, оперирующего математическим аппаратом для решения философских задач, отсекает непосвящённых и такая философия становится уделом избранных профессионалов. Высшая математика на своих вершинах давно стала уделом немногих жрецов. И тем не менее открываемые этими жрецами формулы оплодотворяют другие области науки и так спускаются по ступеням к общечеловеческому знанию. Понятные лишь узкому кругу высших профессионалов истины трансформируются в бесчисленных проявлениях в других областях знания и подтверждаются практикой. Поэтому сохраняется абсолютное доверие человечества к высшей математической элите, и добытые ею истины становятся универсальными. Тот же самый алгоритм работает во всех областях науки: открытия делаются узким кругом жрецов, язык которых доступен лишь им, а уже потом спускаются по ступеням к опытному воплощению в культуре и технике.

Возможен ли тот же самый алгоритм для философии? И тут мы упираемся в исходный вопрос, породивший настоящую тему: о возможности создания общечеловеческой философской системы по аналогии с научной.

Не буду повторять вышеизложенную аргументацию – только вывод: первичность Духовного Мира делает создание общечеловеческой философии, по аналогии с наукой, невозможным. Более того, философия, как самоценный способ познания, может открывать человеку *живые смыслы* только при условии существования в мире множества религиозно-философских и внерелигиозных философских и метафизических систем (хотя, на мой взгляд, их внерелигиозность скорее способ оградить свою свободу от посягательств богословия). То есть, философия может оставаться самой собой только в *поливариантном и текучем* состоянии. И в этой безусловной поливариантности

онтологическое отличие философии от науки и общее у философии с религией и искусством.

И не только поливариантность и текучесть роднит философию с религией и искусством. Математике и физике всё равно, какие чувства испытывает человек по отношению к их формулам, главное – практический результат. В утилитарной заточенности на результат сказывается общий корень у науки с магией. Это человекобожеский путь овладения материей. Но у философии общий исток не с магией (самодовлеющей методологией), а с религией и искусством, и в этом общем духовном истоке заключено благородство и бескорыстие философии.

Философия призвана открывать смысл в самых важных для человека вопросах, поэтому не может быть обращена только к разуму, но должна говорить и сердцу. А для того необходимо говорить и на понятном языке, а не языком бесстрастных абстракций, как математика. И поэтому в философии так важна личность самого мыслителя, его судьба, его целостный облик. Сама личность мыслителя открывает людям не меньше смысла, чем его философские построения. И в этом качестве философии опять мы видим в ней общий исток с религией и искусством, а не с наукой. Безликие объективные философские конструкции напоминают андерсеновского Кая, складывающего слово «Вечность» из кусочков льда. Может быть, ценою отказа от личностного и эмоционального начала философия и обратится в науку, но философией она быть тогда перестанет.

Выработка *единого для философии языка* (метафизического эсперанто), хоть с привлечением математического аппарата, хоть богословского, хоть эзотерического, хоть какого-то иного, не обогащает *неповторимых философских ликов*, но нивелирует их, растворяет в общей методологии. А с другой стороны замыкает касту философов, овладевших таким сверхтяжёлым языком, на саму себя. И если у математиков и физиков, тоже говорящих друг с другом на «марсианском языке» для подавляющего большинства людей, остаётся связь с человеческим миром благодаря общеобязательности научной методологии, то философы, перейдя на «марсианский язык», будут вынуждены выкипать в самих себе.

Причина тому проста и сложна одновременно: никакой универсальной и общечеловеческой философии, как и религии, не появится в *нашем мире* никогда, потому что корни и философии, и религии в Мире Духовном. Наука же принимает символы мира относительного за объективную реальность и только благодаря этой изначальной догматике достигает общечеловеческой универсальности. Для философии этот путь не просто сужающий и обедняющий её призвание в мире, но губительный.

Общеобязательная философия – это уже не творчество смысла, но *идеология*. Как и единая религиозная система для всего человечества – это тоталитарная инквизиция. И религия, и философия сохраняют связь с Духовным Миром для человечества до той поры, пока они не схлопнулись в единую систему мировоззрения. Как только такое произойдёт – эта система

мгновенно переходит в отрицательное духовное поле и начинает работать на самоуничтожение.

Таким образом, усложнение и утяжеление философского языка за счёт его не сдерживаемого ничем наукообразия ведёт не к расширению философского кругозора и не к преодолению границ между философскими системами, но к возникновению новой специфической философской системы, понятной лишь узкому кругу её жрецов. Претензия же такой системы выработать на перспективу общефилософскую методологию – это претензия *идеологическая, но не философская*.

На каком же языке могут общаться друг с другом разные философские системы и за счёт чего может открыться принципиально иной путь их синтеза, который я в данной теме противопоставляю человекобожескому пути? Чем должны заполниться пустоты, разделяющие разные *проекции истины*, чтобы между этими проекциями состоялось качественно новое общение, чем мы знали до сих пор? Об *искусстве перевода* – как заполнении лакун между системами и необходимом условии Богочеловеческого пути синтеза – я и хочу поговорить дальше.

6.

Никакой метафизики и никакой философии вне того или иного Мифа никогда в человечестве не существовало и существовать не может. Научная философия существует внутри научного Мифа об объективной реальности. Религиозная – внутри того или иного религиозного Мифа. Также любая философия существует внутри того или иного культурного Мифа. Например, античного, средневекового, гуманистического, постмодернистского – если речь об европейской философии.

Никакой объективной реальности вне отражающего её Мифа человек не может воспринимать вообще. Миф может быть индивидуальным с теми или иными привнесениями из коллективно творимых мифов, имеющих ту или иную степень давности и общественного признания. Наиболее живучие мифы в истории человечества имеют в своём основании религиозное Откровение. Нет ни одного мифа, в основании которого лежала бы чистая философия. Научный миф об объективной реальности является доминирующим только внутри безрелигиозной (гуманистической) эры. С её окончанием этот миф станет в один ряд с мифами олимпийскими, пантеистическими и т.д. Его влияние останется на культуру, но о ведущей роли в человечестве не будет уже речи.

На мой взгляд, не будет и такой научной дисциплины для преподавания, как «Философия». Её по существу и не было никогда как научной дисциплины. Преподавать как предмет можно только «Историю философии». Так же, как «Историю религии», например. Предмет «Философия» сравним с предметом «Религия». Преподают «Религию» только в том или ином её конфессиональном отражении – в семинарии, медресе и т.д. То же касается и «Философии»: либо это будет идеология (как материализм в советское время), либо доминирование

той или иной школы (такое доминирование тоже насквозь идеологизировано), либо это будет «История философии».

«История философии» и есть путь синтеза-диалога. Как и «История религий». А «История культуры» есть по существу История человечества и её творящийся Миф. Синтез философии и создаётся как История философии во всём многообразии её граней. И в этой Истории уже открыта Новая глава...

7.

Логика с большой буквы

Критерии истины – см. в Логике с большой буквы.

Сергей Борчиков

Вот какая интересная развилка тут вырисовывается... Логику, хоть с маленькой, хоть с большой буквы, разрабатывает сам человек, исходя из своего человеческого опыта, своих представлений о мире и о том, что логично, что нелогично. Практику, подтверждающую истинность и логичность тех или иных своих умпостроений, человек (человечество) черпает из эмпирического опыта. Например, логическое исключение тождества двух взаимно исключающих тезисов следует из свойств нашего материального мира – как невозможность нахождения в одной точке пространства двух объектов в одно время. Но духовный мир обладает иными свойствами. Истина же имеет свои корни в мире духовном, а не материальном. Однако делается утверждение, что Логика (чисто человеческая: другой в человеческом разуме нет) есть критерий Истины.

Истина, данная человеку в Откровении и мистических озарениях, подвергается проверке человеческой Логикой (универсальным критерием). Сама возможность существования иной Логики, недоступной человеческому разуму, отвергается. Никакая Логика духовного мира тоже в расчёт не берётся (в той степени, в какой она не укладывается в Логiku человеческую). Таким образом, Откровение Истины, имеющее свою Логiku, накладывается на Логiku человеческую, и последняя признаётся главным критерием Истины. Получается, что человеческая Логика выше Логики Божества и критерии человеческой Логики определяют истинность или ложность Откровения (или озарения, т.е. всего того, что приходит к человеку не от мира сего, но от мира духовного, Высшего).

Утвердив свою человеческую Логiku главным критерием Истины, человек ставит себя на место Бога (Истины). Логiku Бога человек подменяет своей Логикой, наделяя её Божественным свойством-критерием. Это и есть **человекобожеский** путь синтеза – создание человеческой метафизической системы, в которой высший критерий Истины есть человеческая, а не Божественная Логика. Читай – воля, потому что за любой Логикой стоят первоначальные установки воли и веры.

«Наукой доказано» – новая формула истинности, ставшая выше и убедительнее формулы «Так говорит Бог». Встав на человекобожеский путь, человек больше верит своей Логике, чем Логике Божества, данной в

Откровении. И уже под человеческую Логику подминается Откровение, от которого отсекается всё нелогичное как химеры. Отсечённые части Истины оставляют пустоты, которые заполняет очень логичная и правдоподобная Ложь. На человекобожеском пути неизбежен рубеж, когда Ложь станет перевешивать Истину.

Человек – это путь (*человектор*): от животного к Богочеловеку или дьяволочеловеку. Всё зависит от того, чью волю на этом пути человек признал Высшей – свою (человекобожеский путь) или Бога (Богочеловеческий). Но нет никакого человекобога в Замысле Вселенной, и человекобожеский путь неумолимо ведёт к дьяволочеловеческому провалу в небытие (духовная смерть).

8.

Текущие внесистемные жанры как питательная среда диалога

В предыдущих параграфах рассмотрев различные, из теоретически возможных, варианты глобального синтеза, мы пришли к выводу: все они укладываются в два интегральных и духовно противоположных пути: Богочеловеческого *синтеза-диалога* и человекобожеского *синтеза-системы*.

Если бы сама тенденция к синтезу не стала в человечестве актуальной и совершающейся объективно, помимо воли отдельных систем, то разговор о путях синтеза носил бы теоретический характер. Но информационное и экономическое объединение человечества – идущий на наших глазах процесс, который невозможно остановить. Возможно другое: увидеть и осмыслить два полярных пути синтеза, борьба между которыми является главным нервом текущего исторического процесса; и победа одного из них определит духовное, нравственное и культурное состояние единого человечества на многие века вперёд (или приведёт к духовной и затем физической смерти, распаду и разложению).

Увидев это противостояние двух путей синтеза, двух глобальных духов нашего времени, которых я символически назвал Духом Диалога и Духом Системы, можно сделать сознательный выбор между ними и работать на тот или другой путь. Остаться в стороне от этого противостояния двух моделей объединения человечества всё равно нельзя: это глобальный и объективный процесс, – возможно только с той или иной степенью осознанности вкладывать душу в один из путей. В чём их духовная несовместимость и, соответственно, противоположность нравственных плодов на этих путях, было сказано выше.

В заключение же я хочу поговорить о тех реальных проявлениях Богочеловеческого синтеза, которые мы уже в состоянии увидеть воочию и попробовать осмыслить. Если синтез стал объективным глобальным процессом, значит появилось нечто *новое* в мире, что этот процесс сделало реальностью. И это *новое* можно увидеть и как конкретные плоды, а не только как тенденцию. О Духе Системы и его губительных плодах много говорилось в других темах, в

частности о Системе неолиберализма³ и т.п. Но как проявляет себя Дух Диалога, в чём мы можем увидеть его реальные плоды, почему у нас есть основания верить в его победу над Духом Системы?

Диалог, в отличие от системы, крайне трудно описать как феномен, как и описать предметно *гармонизацию* систем и саму суть того процесса, что в итоге составит *ансамбль* систем, вместо их прежнего автономного существования, колеблющегося от дипломатической толерантности до непримиримой вражды. Ансамбль систем должен явить собою не просто их мирное сосуществование, но *новое качество* целого и каждой автономной системы. И путь к такому всемирному ансамблю лежит только через диалог систем. Альтернатива ему – унификация систем в одной гиперсистеме или тотальная вражда (на стадии конечного распада гиперсистемы). Иных вариантов нам не оставила история: синтезирование систем необратимо, вопрос только в его пути и модели.

Сразу сделаю две оговорки (ибо как показала практика, мою мысль понимают зачастую слишком формально):

1) Под диалогом я не имею в виду какие-то симпозиумы, семинары, переговоры, форумы школ, встречи представителей религий, споры, совместные акции и т.д., и т.п. Это уже внешние проявления, в которых пока ничего нового нет: в той или иной степени разные системы общались друг с другом всегда и взаимно влияли друг на друга. Речь идёт о *внутреннем содержании самих систем* и тех *изменениях*, что делают их диалог друг с другом насущной *творческой* потребностью, вопросом буквально жизни и смерти. То есть, диалог становится тем воздухом и той водой, без которых сама жизнь системы делается невозможной в принципе, вне зависимости от её древности и полноты. Это диалог между системами *внутри каждого конкретного человека*, принадлежащего той или иной системе. Это вовсе не «парение над системами» лишённого корней и духовной Родины «общечеловека» – то как раз карикатура, одно из проявлений Духа Системы, для которого разрыв человека с его корнями, с его религиозной и культурной принадлежностью является необходимым предварительным условием для схлопывания человечества в тоталитарную и бездуховную гиперсистему, несущую смерть всем неповторимым соборным ликам. Нет, диалог систем внутри человека – это раскрытие его уникальной соборной сущности в общении с другими соборными ликами. Раскрытие в «я» системы «ты» других систем, а не смешение всех в безликом «оно».

2) Диалог не противопоставляется системе как таковой, нет и речи о размывании систем в какой-то текучей субстанции. Речь идёт о сохранении неповторимых соборных ликов в процессе объединения человечества, а это сохранение возможно только через новое качество общения их, через раскрытие их и обогащение. Под Духом Системы я подразумеваю тенденцию к

³ См. раздел «Метаистория и геополитика»: <https://rmvoz.ru/forums/index.php?board=13.0>

унификации и обезличиванию всех локальных систем в одной гиперсистеме. Вместо ансамбля – одно здание (новая Вавилонская башня), дробление и смешение в нём всех уникальных систем.

Так в чём же *то новое*, что принёс миру Дух Диалога?

До конца 19-го века всё религиозное и культурное бытие человечества происходило в лоне тех или иных целостных систем. Они, конечно, влияли друг на друга, но между ними было мёртвое пространство, в котором не было никакой культурной жизни вообще. То же касается и философских школ. Исключением была только наука и техника, но это исключение произошло ценою отказа от духовной первореальности и сосредоточенностью на *исключительно* эмпирическом плане бытия. Вся же духовная жизнь протекала в лоне устоявшихся и целостных систем.

И вдруг, как по мановению волшебной палочки, начинают появляться такие жанры, которые не укладываются ни в одну из систем. В том числе и в устоявшиеся жанровые рамки. Философия не философия, проза не проза, мифология не мифология, богословие не богословие, что это вообще такое? Как-то решили проблему классификации жанром «эссе». Но к этому жанру можно отнести всё что угодно. Я спросил у Фёдора Козырева, к какому жанру он относит свою книгу «Обморок либерализма»? Даже с «эссе» как-то не получается уже...

Поэзия Максимилиана Волошина – это что? Формально – поэзия. А в то же время философия. А в то же время – историософия (тоже новый жанр, не пойми что). А романы Гессе? А бормотания Розанова? А вырывающийся из всех классификаций поток мыслей Бердяева? А «Три свидания» Соловьёва? А Борхес, Толкиен? А тут ещё и «Роза Мира» Даниила Андреева, какие-то поэтические ансамбли с богословскими формулами и философскими умозаключениями. Дальше хуже – «Теория Времени» Козырева. Вообще ни в какие ворота. Или Григорий Померанц – что за принцип такой посреди культурологии? Примеры можно длить и длить. К слову, «Перекличка вестников»⁴ Евгения Морошкина – тоже принципиально новый подход к освоению поэтического космоса.

Для оправдания безобразия появилась теория, что на стыке жанров происходит самое интересное. Да, происходит, но не в том смысле, что это синтез жанров. Синтез рождает новую систему, а здесь налицо принципиальная внесистемность – новая текучая субстанция. Её можно налить в сосуд той или иной системы, даже доказать принадлежность ей, раскритиковав обоснованно (с точки зрения данной системы) всяческие несоответствия и нестыковки. Но стоит убрать твёрдую форму – и опять растечётся. И самое обидное, что с тем же успехом эту субстанцию можно влить в форму другой системы. И тоже всё будет похоже на правду.

4 См. <https://lib.rmvoz.ru/pereklichka>

С появлением Интернета всё стало ещё запутанней. О смысле единого *поля диалога* и новых интерактивных жанров, несущих собою такие кардинальные изменения в устоявшихся культурных ролях, что и представить ещё толком нельзя (практика опережает теорию семимильными шагами).

Таким образом мы наблюдаем процесс заполнения пространства между системами странной текучей субстанцией, имеющей своих ярких представителей, свои достижения, которые не укладываются ни в одну устоявшуюся систему, ни в один традиционный жанр. Что такое «поле диалога»? Это некая атмосфера, воздух, не только заполняющий пространство между системами, но и проникающий внутрь систем. Сравнения с воздухом, водой и т.д. – лишь символы совершающегося Откровения Женственного Духа, если осмыслять тенденции в культуре с мистических позиций. Женственная природа и есть текучая субстанция, способная заполнять создаваемые мужественным духом системы, но при этом остающаяся самой собой. Эта Женственная субстанция и создаёт тот феномен, что Даниил Андреев назвал общечеловеческой культурой, Аримойей. Это *культура диалога*, а не новая культурная или религиозная система: *это поле, а не частица*.

Если не привлекать сюда мистику (хотя без мистики ничего не происходит существенного в нашем самодостаточном мире), а рассмотреть процесс исключительно с человеческой колокольни, то знакомство человека с любым из вышеприведённых авторов неизбежно погружает душу в некую текучую субстанцию, пробуждает внутри человека диалог систем, делает его актуальным и насущным. Изменяется отношение к очень многим вещам, смягчаются душевные ткани, появляются дополнительные творческие импульсы, без которых невозможно понимать иные системы и вести с ними внутренний диалог. А все системы состоят из людей – соответственно меняется и отношение самих систем друг к другу, возникают иные подходы, иные углы зрения, начинает чувствоваться тот духовный объём, для выхода в который недостаточно уже полноты одной системы, но необходим диалог с другими (в нашем мире недостаточно, подчёркиваю).

Например, одной из главных задач «Теории Времени» Козырева (а может, самой главной) было не только создание паритетной научной парадигмы, но *поля для диалога* науки и религии. И не только, но и поля диалога человека и природы, языка искусства и науки. Поле диалога создаёт и «Роза Мира» Даниила Андреева, и поэзия Максимилиана Волошина, и творчество Александра Меня, и многие и многие внесистемные жанры, в том числе и наш скромный ресурс. Нас пытались классифицировать то по идеологическим признакам, то по жанровым, то по политическим, то по организационным (всего и не упомнишь), но выскальзываем, утекаем, находим дырочку...

Показательно, что самый глубокий диалог, какой я только встречал, представителей православия и читателей Даниила Андреева состоялся не внутри системы (православной или родонистской), а на принципиально внесистемном ресурсе. В слово «система» я не вкладываю негативного смысла, ещё раз уточню. Без систем – только хаос, мерзость запустения. Речь у меня о текучей субстанции между системами, а не об отмене иерархического

системообразующего принципа как такового. Вакуум между религиями и культурами оказался живым и проводящим духовные токи, более того – генерирующим творческую энергию. Время пришло (буквально, как живое существо).

Богочеловеческий синтез – как *вектор гармонизации систем* – возможен, потому что Свыше низливается в мир Женственный Дух. Это первопричина. Я лишь попробовал обозначить некоторые конкретные явления в культуре, что делают рассуждения о Богочеловеческом синтезе и Откровении Вечно Женственного не голословными, но имеющими в том числе и эмпирические основания, а не только мистические и философские.

9.

Синтез как искусство перевода

Классика – это высший образец качества, прошедший проверку временем. И многие, ныне кажущиеся внесистемными, жанры станут классическими. Так и работает культура испокон веков: Пушкин не воспринимается всерьёз старой одописной школой, а потом сам становится недостижимым образцом классицизма, которым можно пугать молодых (впрочем, Пушкиным уже никого не напугаешь, как и любым поэтом). Пусть эти процессы изучает искусствоведение: надо же ему что-то изучать. Но не было ни одного прецедента в культуре, когда бы искусствоведение само породило новый жанр или хотя бы предсказало новое направление в искусстве. Не было до недавних пор.

Искусствоведение отныне способно не только предсказывать появление новых жанров, но и созидать таковые. И не только искусствоведение, но и культурология, историософия, даже религиоведение (если к нему можно отнести эссе на религиозную тематику) из обращённых исключительно в прошлое дисциплин становятся профетическими, интерактивными, творчески генерирующими новые жанры, что раньше представить себе было невозможно. Это и есть действие той межсистемной текучей субстанции, о которой я говорю как о *новом* в мире, делающим синтез-диалог реально существующим явлением культуры. Поэтому, когда маятник времени качнётся вновь к классическим строгим жанрам, их понимание друг друга и их взаимодействие с миром будут уже иного качества, станут в прямом смысле слова интерактивными.

Для любого диалога необходим общий язык, понимаемый сторонами, вступающими в общение. Поиском такого общего языка (общей методологии, общей системы понятий и т.д.) и занимается то направление в метафизике, что мыслит синтез как созидание универсальной понятийной системы. Но язык является неотделимой от религиозной, богословской, культурной, национальной, философской, научной систем составляющей. Любая попытка изменения языка ради приведения его к некоему общему знаменателю с языком другой системы приводит к таким изменениям в самой системе, которые нивелируют и обезличивают её. На такие операции ни одна система, имеющая

духовную основу и древнюю традицию, никогда не пойдёт. Следовательно, создание общего языка для науки, философии, искусства и религии, на котором бы мог состояться их неформальный диалог, есть утопия. Или крайне нежелательная и вредная методология (как известно, утопии имеют свойство осуществляться в человеческой истории в виде химер).

Таким образом, для синтеза-диалога необходим не общий язык, но *искусство перевода*. Вот внесистемные текущие жанры, появившиеся в 20-м веке, и являются не чем иным, как искусством перевода с языка одной системы на язык другой. Эту текучую субстанцию две системы, а то и больше, могут принимать в себя и соответственно понимать одновременно. Ни одна из систем не может вобрать в себя другую и понять изнутри как самоё себя, не исказив до неузнаваемости. Текущие же формы культуры способны трансформироваться в разные системы, не нарушая ничего в них и не теряя своей сущности. Вступая во взаимодействие внутри себя с текучими формами, устоявшаяся система обретает глубокое понимание языка другой устоявшейся системы, с которой соприкасалась данная текучая форма. Текущие внесистемные формы становятся с одной стороны проводящей средой между системами, а с другой – обучающей искусству перевода. Понимая язык текучих форм внутри себя, одна система учится понимать язык другой системы, содержащийся в этой текучей субстанции наряду с твоим языком.

В приведённых выше примерах мы обнаружим такое *искусство перевода*: с языка религии на язык науки, с языка природы на язык культуры, с языка искусства на язык мистики, с языка философии на язык мифологии, с языка богословия на язык поэзии и т.д. Более того, текущие формы позволяют осваивать языки других религий каждой из них на совершенно ином качественном уровне, чем был представим когда-либо прежде.

Например, Александра Меня ортодоксы от православия обвиняли в экуменизме, не понимая того, что экуменизм Меня – это *высочайшего уровня искусство перевода на язык православия языков других религиозных и философских систем*. А чтобы предметно показать, с каких языков на наш культурный и религиозный язык *учат искусству перевода* «Теория Времени» Н.А. Козырева и «Роза Мира» Д.Л. Андреева, нужно писать не один внушительный исследовательский труд. Хочется верить, что серьёзные исследования *под таким углом зрения* появятся наряду с существующими критическими исследованиями, исполненными с точки зрения той или иной системы (научной, философской или православной).

VI

Интерактивное искусство – Солярис

*Игра в бисер – моделирование будущего – Роза Мира
как надсистема*

(Доклад для конференции к 110-летию Д.Л. Андреева)

Проблема вербализации (вместо предисловия)

Я несколько раз за последние два года порывался соединить в одном тексте мысли, связанные с той *сущностью*, с которой мы вступили во взаимодействие в процессе становления нашего коллективного творческого организма, что отображается в Интернете на сегодняшний день как портал «Воздушный Замок». (<https://rmvoz.ru/>) И всякий раз я сталкивался с непреодолимой, как выяснилось, проблемой – с невозможностью не просто описать эту *сущность*, но даже изложить в сколько-нибудь связном повествовании её основные черты. Как я понял, причины заключены в самой её природе, а именно:

1) В том, что мы взаимодействуем не столько с объектом, сколько с процессом, и описать его не проще, чем любой творческий процесс или жизнь как таковую.

2) Эта сущность имеет интерактивную природу и постигается только в диалоге.

3) Это сущность соборная и не может быть отражена в тексте индивидуальном, просто по определению.

4) Эта сущность ещё не раскрыла и десятой доли (а может быть, и сотой) своих потенциальных свойств; они могут лишь угадываться по малоуловимым признакам или не угадываться вовсе. В последнем тезисе я неоднократно убеждался и на личном опыте: проявления новых свойств этой сущности заставляли меня врасплох.

Я намеренно не употребляю пока слов «сайт», «ресурс», «форум», потому что они отражают лишь одну и самую поверхностную часть того явления, которому посвящён доклад. А возникшую передо мной проблему вербализации я постарался хоть как-то обойти следующим способом: я собрал вместе несколько отрывков, родившихся ранее и спонтанно *именно в процессе диалога* с другими участниками проекта. Так по крайней мере можно минимизировать главное искажение при описании феномена, являющегося по своей природе субъективно-диалогическим, а не объективно-предметным. Сам же текст я размещу в интерактивной части портала в надежде, что он со временем вырастет в полноценный и многогранный диалог, который даже по форме адекватнее рассматриваемому явлению, нежели любой текст одного автора.⁵

5 В полном объёме с дискуссией можно ознакомиться по ссылке: <https://rmvoz.ru/forums/index.php?topic=4535.0>

Цель доклада не отразить вербально само явление (невозможно), но обозначить некоторые его специфические свойства (вернее, те их преломления в отдельном сетевом проекте, которые мы успели уловить опытно) и наметить некоторые предугадываемые направления его развития, которые нам видятся признаками наступления новой, постгуманистической эры. Одним из символов её, несомненно, является мифология и мистика книги «Роза Мира», поэзия и весь человеческий облик Даниила Андреева.

1

«Воздушный Замок – явление уникальное, и широкое понимание, и осмысление его роли и значения ещё впереди. Этот проект не может не быть уникальным по духу и по сути. Гармоничное сосуществование столь разных и непохожих людей на одной небольшой пока площадке; дополнение и наполнение друг друга творческими импульсами, завязываемое в единое целое – это чудо, которого я раньше не встречал и не мог представить.»

Сергей Сычёв⁶ (из личной переписки)

Первичным импульсом для строительства «Воздушного Замка» была неудовлетворённость качеством, атмосферой, творческим и идейным содержанием сайтов и форумов, что возникли в Сети с символикой «Розы Мира»; мы решили создать альтернативу, за которую хотя бы не будет стыдно. Также была у нас идея преобразования форумного пространства в новый литературный жанр: мы рассматривали форум не как тусовочную площадку для разговоров, но как совместное написание объёмной и многожанровой книги. Обе идеи достаточно просты для понимания, а вся трудность их осуществления была от нас сокрыта в силу нашего дилетантизма в интернет-технологиях. Последнее, наверное, и позволило смело шагнуть в воду, не зная броду. И пока мы пытались выплыть и технически осуществить задуманное – форум как новую литературу, а портал как произведение искусства (на это ушли годы, исполненные накала такой драматургии, какую мы не могли представить даже близко), – нам стали приоткрываться неведомые стороны той сущности, которую я, пользуясь символом одноимённого фильма, назвал «Солярисом».

Перечитывая спустя годы некоторые ветки форума, я могу констатировать, что новый литературный жанр состоялся: читать это интересно. По мотивам нескольких тем-диалогов мы уже сверстали две книжки, но материала накопилось гораздо больше. Это занимательный жанр – форумные импровизации, о нём можно говорить долго, но отдельно. Здесь же я сразу перехожу к тому, что стало возникать неожиданно для нас самих уже в процессе и что позволило, как в капле воды, увидеть и прочувствовать изнутри те удивительные качества Розы Мира, что делают её действительно новой эрой,

⁶ Сычёв С.С., литератор, критик, член редколлегии портала «Воздушный Замок», Краснодар. <https://rmvoz.ru/sobor/avtory/sychev-sergej/>

а не очередной универсальной мировоззренческой системой, пытающейся вобрать в себя всё многообразие мира. К сожалению, подавляющее большинство поклонников Даниила Андреева понимают его пророчества именно так.

Предсказанную Даниилом Андреевым эпоху мы понимаем как постгуманистическую эру, а её культуру – как синтез средневековой и гуманистической моделей, индивидуального и коллективного творчества (Новое средневековье, Игра в бисер).

Есть два противоположных по сути и по духу варианта такого синтеза:

1) **Дух Системы.** Торжество некоей универсальной системы, вбирающей в себя государства, религии и культуры и создающей своего рода религиозно-культурное эсперанто, одну формацию, одну идеологию, единую систему мировоззрения.

2) **Дух Диалога,** творящий ансамбль государств, формаций, культур и религий, без их смешения в одной системе. Второй вариант, на наш взгляд, отвечает пророчествам Даниила Андреева о *женственной природе* Духа Розы Мира и о том, что у грядущей «интеррелигии» (неудачный термин, на мой взгляд) нет своего Трансмифа и никогда не появится. Женственный Дух не творит новых объектов, но творит новую атмосферу внутри уже сотворённых. Новая атмосфера пробуждает потребность в диалоге и помогает состояться новому качеству отношений между феноменами, в идеале – их всемирному ансамблю.

Чуть расшифрую эту идею, она имеет принципиальное значение для настоящей темы. Роза Мира – как надсистема – не может быть ни понята, ни описана на языке ни одной из существующих систем (культурологических, религиозных, социальных, научных, философских, метафизических – любых). С этим связана в частности и проблема, о которой я сказал в предисловии: невозможность линейной вербализации той сущности, что здесь символически названа «Солярисом».

Роза Мира – это творческий процесс, идущий *внутри каждой из систем*, а не вовне. В ходе этого процесса формируется восприятие любой системой самоё себя как *проекции* Единой Истины, неместимой ни в какую систему мировоззрения в нашем мире, являющемся, в свою очередь, лишь одной из становящихся форм существования и отражения Единой Истины Вселенной.

Восприятие системой себя как *проекции* Истины меняет отношение к другим *системам-проекциям*, к их отличиям и даже к логическим противоречиям, возникающим при соотнесении разных систем внутри одной системы понятий. Диалог проекций становится и способом познания Целого, и новым раскрытием каждой из культурных и религиозных систем, их обогащением за счёт *нового качества общения*.

Для содержательного общения систем необходима определённая *атмосфера*, которую и можно назвать общечеловеческой культурой, Аримойей (термин Даниила Андреева). Аримойей – это *культура диалога* прежде всего, а не какая-то «общекультура всечеловеков и граждан мира», унифицирующая, уравнивающая и тем обедняющая культурные и религиозные архетипы.

Последняя – постмодернизм, карикатура, инспирация Духа Системы, пытающегося подменить собою Дух Диалога.

Если когда-то и возникнет на Земле организация «Роза Мира» как отдельный объект, то это, во-первых, произойдёт вовсе не в начале постгуманистической эры (как думают некоторые читатели Андреева, переносящие на Розу Мира свойства уже состоявшихся религиозных систем и эпох); скорее всего Роза Мира начнёт оформляться во что-то феноменальное уже на своём закате. А во-вторых, если такая организация и возникнет, она не будет иметь ничего общего с известными из истории формами государств или церквей, но упокоится на совершенно иных принципах. Впрочем, гадать об этом не имеет пока большого смысла. А вот смысл присмотреться попристальнее к тем процессам, что уже идут в культуре, есть.

Эти процессы определяются двумя полярными духами нового времени – Духом Системы и Духом Диалога. Противостояние этих двух духов, по всей видимости, и станет содержанием исторической драмы будущих столетий и всей постгуманистической эры. Далее я остановлюсь только на тех процессах, которые рождены Духом Диалога и противоположны унифицирующему и глубоко враждебному творческой свободе человека Духу Системы (разоблачению последнего посвящено немало серьёзных работ, есть такие работы и на нашем портале⁷).

2

Мы пока наблюдаем только стремительное разложение старой эпохи: перегной времени, всесмешение, тоска (какая бывает ранней-ранней весной). Редкие ростки будущего ещё погоды не делают и почти никому не видны. Интернет пока тоже только среда, тот же перегной. А колоссальные изменения уже идут в подпочвенных и атмосферных слоях и в бессознательных глубинах психики. Мы слишком радужно представляли себе переход в атмосферу Розы Мира, как описывал Андреев – самый оптимистичный сценарий. Но все смены глобальных эпох были мучительны, а уж такая, поистине всемирного масштаба, в которой нам выпало жить, тем более.

Мы невольно ориентируемся на судьбы прошлых поколений, на то, к чему привыкли за последние века. Художник, философ, писатель раскрывали индивидуальные дары, достигали мастерства и качества – и это было нужно людям, приносило благие плоды. Но такое больше невозможно. Эпоха индивидуального творчества закончилась. Безвозвратно.

Последний всплеск творческой лампы гуманистической эры был в 80-х годах прошлого века. В ней больше нет масла. Всё, что мы видим после, либо инерция, либо коммерция. *Творить свободно и быть нужным людям* – теперь две вещи несовместные. В культуре пришли к власти менеджеры, культура

⁷ См. например: Я. Таран. «Роза Мира или родонизм? (вспоминая будущее)»
https://lib.rmvoz.ru/bigzal/roza_mira_ili_rodonizm_vspominaya_budushchee

стала бизнесом. Это агония безрелигиозной эры. Чтобы реализовать свой дар, художник должен ориентироваться на массовый успех. Не может не ориентироваться. И это лишает его свободы. Подсознательно, что ещё хуже, ориентируется он на навязываемые извне шаблоны. Начинается цепь внутренних компромиссов, которая кончается духовной катастрофой для таланта и успешным бизнесом для подражателя. Это противоречие не разрешить самостоятельно. Реализовать свой дар так же, как реализовывали его 30, 50, 100 лет назад, два века назад, пять веков назад, уже нельзя. А другого варианта мы просто не могли себе представить. Его и не было. А теперь – есть. Но старого – уже нет.

Отныне творческая самореализация возможна только внутри определённого коллективного (в идеале – соборного) целого. Здесь прослеживается аналог средневековой культурной парадигмы. Но и он напрямую не работает. Личностное начало раскрыто вполне за минувшие века, и его нельзя опять растворить в коллективном, как было в средневековье. Однако эмансипация личности достигла предела и выродилась в индивидуализм, эгоизм, потребительство. Это духовный тупик. И вновь назрело во времени тектоническое смещение акцентов и приоритетов.

Мы смотрим назад, на пути творцов из прошлого, которых любим и ценим. И судьба ломает нас через колено, как нам кажется. Тысячи оригинальных и бескорыстных натур устают ждать, надеяться, верить. Человек видит, что есть результаты, есть творческие плоды, но не чувствует их *нужности* миру. Не о вульгарном успехе речь: нет чувства того, что это останется, что это всё не впустую. Нет чувства, что моё творчество благословенно Свыше, хотя чувство, что дар есть, не обманывает. Вот где трагедия и где приходит смертная усталость...

Произошла смена великих эпох на космических часах. Разумеется, не только в Интернете станут прорастать всходы новой культуры и общественных отношений. Одно несомненно: мы, как творческие единицы, сможем обрести теперь свою нужность в конкретном коллективном детище. Внутри него – работая на общее. Это детище и есть то произведение искусства, в котором всё наше индивидуальное творчество – лишь глава в книге, одна из граней. И сама по себе такая грань – без целостного соборного кристалла – в культурном космосе больше не живёт.

Самореализация теперь – это *служение* общему. Отчасти даже смирение, но творческое. Как только я понял, что беспросветная нереализованность не моя лично несчастная участь или следствие какой-то профессиональной и человеческой неполноценности, но типичное состояние для художника, не сумевшего наступить на горло своей песне в угоду дельцам от культуры; что в наше время по-другому и быть не может, и не должно, – так я увидел выход. И он оказался потрясающе свободным!

Есть островки свободы, где зарождается новая культура. А мы мечтали по старинке. Мир уже изменился – и так, как никогда прежде. Хотим мы того или нет, но мы либо будем созидать модель нового искусства, жить в атмосфере Розы Мира, либо у нас просто нет шансов. Мы не можем видеть отдалённых

последствий своего творчества в Замке. Но что его Замысел не наше детище лишь и что за ним стоит мощный и светлый Дух, задолго до нашей встречи наметивший общую «точку сборки» и приводящий нас разными дорогами сюда, я не сомневаюсь уже ни секунды.

Эпохи меняются через смену мировоззрения. Восприятие своего личного труда как неповторимой грани соборного кристалла, приоритет общего и целого над индивидуальным и частным – это и воспитывает новое мировоззрение. От небольших сообществ в искусстве до глобальных объединений. Иной дух, иной подход, иное самоощущение. Одна из задач искусства – моделировать будущее, формируя его первичные фракталы.

3

«Всё яснее становится, что деятельность художника, его духовное напряжение, пусть даже не видимое никому из современников, не может не отражаться в многозначных мирах метакультуры, оказывая влияние в конечном счёте и на нашу реальную жизнь.»

Евгений Морошкин⁸

Мы неслучайно с первых же дней существования нашего детища – как уловленного нами Замысла – поставили эпиграфом эти слова на главной странице. Но это лишь одна часть эпиграфа (о потаённом влиянии «неизвестного художника» на реальную жизнь общества), есть и другая там часть:

«В результате произошло чудо, кажется, не имеющее аналогов в истории: реальность художественная зримым, явным образом спасла реальность историческую...»

Евгений Морошкин так пишет об искусстве кино. Но те же слова можно отнести и к только что зарождающемуся интерактивному искусству, причём его влияние будет не просто сопоставимо с влиянием кино в 20-м веке, но станет катализатором глобальных перемен во всех сферах бытия человеческого, ознаменовав собою новую эру.

Эти изменения сравнимы с переходом от античности к христианскому средневековью и от него к гуманистической эре, но будут происходить уже не внутри одной христианской цивилизации, а иметь общепланетарный характер. Такой же, какой сейчас имеет Интернет. И роль нового искусства, а значит и роль художника в зарождении новой, постгуманистической эры невозможно переоценить, как и роль искусства в эпоху Возрождения. Только она, эта роль, будет не так взаимодействовать с социумом, как в гуманистической культуре. Хотя бы потому, что огромные массы воспринимающих искусство станут

8 Морошкин Е.В., композитор, искусствовед, редактор Библиотеки, Фонотеки и Галереи «Воздушного Замка», автор проекта «Переключка вестников» и других системообразующих разделов портала, Москва. <https://rmvoz.ru/sobor/avtory/moroshkin-evgenij/>

непосредственными участниками мистерий, а не просто читателями, зрителями, слушателями.

Да, по всей видимости, времена, когда индивидуальный гений становился властителем дум целых поколений и представлял собою автономный культурный космос, уходят в прошлое. Конечно, исторические эры сменяют друг друга не в одночасье, и мы ещё будем свидетелями появления новых великих имён, однако основная тенденция в современной культуре, по-моему, уже налицо. Чтобы осмыслить её, нужно сравнить онтологические отличия античной и средневековой культур, средневековой и гуманистической. Возможен ли синтез этих культурных моделей и в чём смысл синтеза? Таким вопросам посвящено и у нас несколько тем и работ, будут писаться и новые, да и весь наш ресурс в целом является одним из ответов.

Это поиск пути, на котором возможен органичный синтез средневековой и гуманистической моделей культуры, не как их смешение, но как *объёмное мировосприятие*. Это глобальная тема. И литература не может оставаться вне её и жить по-старому, то есть так, когда появление следующих талантов и гениев, созидающих автономные творческие миры, являлось по сути содержанием литературы и составляло её историю.

От теоретических рассуждений перейдём к конкретному примеру. Есть писатель имярек, о котором читатель ничего не знал, пока не открыл для себя этого писателя здесь, в Воздушном Замке. Казалось бы, ничего нового: так, в каком-то журнале и в какой-то период времени, читатель всегда открывал для себя имена писателей. Новизна в том, что сюда попали и этот читатель, и этот автор не как приходят в литературный журнал, но по совсем другим мотивам: их привлёк Замысел ресурса в целом (как игра в бисер, или чем-то ещё, не столь важно, здесь индивидуальный уже подход). Привлекла, например, возможность вести тут свой интерактивный раздел, замысел которого оказался органичным Замыслу Целого (взаимно органичным).

И стал этот читатель-соавтор открывать для себя здесь новых авторов (а они – его). То есть, *читатель вошёл в гипертекст ресурса как непосредственный творец одной из его глав*, заинтересовавшись сперва его целостным обликом. А уже потом стал знакомиться с другими его гранями (как индивидуальными, так и коллективными). Это живой процесс, и он принципиально отличается от поиска читателем в литературном журнале новых произведений и новых авторов. И вообще от литературного журнала – как такового (неважно, электронного или бумажного). Иной путь и качественно иные отношения между реальной жизнью и искусством.

Так и в постгуманистической культуре люди будут открывать и узнавать сначала некие коллективные Произведения (пищу с «большой буквы», потому что имени для этого явления пока в языке нет), воспринимать целостно их идею, их образ и Замысел. А через знакомство с Целым – открывать для себя индивидуальные творческие грани, индивидуальных авторов. Причём возможность участия в творчестве Целого будет привлекать даже больше, чем просто желание познакомиться с новым произведением искусства.

В грядущей культуре художнику, чтобы состояться, нужно прежде всего найти *свой соборный кристалл*. Грань не существует без кристалла, как и кристалл без грани. И каждая его грань незаменима и неповторима (в этом существенное отличие от средневековой культурной модели). В гуманистическую же эру каждый индивидуум был сам по себе таким «кристаллом» и мог существовать автономно, раскрывать только свой дар, служа тем самым возведению общего храма культуры. Различные творческие объединения и литературные направления были вторичными по отношению к индивидуальному дару. А журналы имели исключительно прикладную цель.

В новую эру таким кристаллом (первичным фракталом культуры) становится какое-то соборное целое, а индивидуум в нём – гранью. И читатели будут сначала узнавать имя соборного Произведения, а уже затем – имена авторов, его составляющих. Не наоборот, как было в эпоху гуманизма. И такое Произведение, в отличие от любого журнала, имеет самодостаточную ценность и не носит прикладного характера. Содержание такого Произведения не является суммой слагающих его индивидуальных частей, как кристалл не является суммой граней. Замысел соборного Произведения первичен и появляется до прихода в него индивидуумов, хотя раскрывается через них – и через их взаимоотношения и взаимосвязи, которые не менее важны для раскрытия Замысла, чем каждое дарование в отдельности.

Эти рассуждения можно было бы отнести к беспредметным фантазиям или голой теории, если бы те глубинные изменения, что должны произойти в психологии и художника, и читателя, не являлись необходимым условием наступления постгуманистической эры. А реальность историческая и культурная обретает свою плоть только в каждой конкретной судьбе и конкретном творчестве, что невозможно ни выдумать, ни осуществить как абстрактный или чисто человеческий план.

4

Технические средства, неведомые ранее, в частности – Интернет, дают шанс зародиться в мире новому искусству, обладающему целым набором специфических качеств, способствующих выработке иных культурных и социальных отношений и формированию объёмного мировосприятия. Это – интерактивность, диалогичность, мистериальность, мифологичность, мистичность, соборность. О таком искусстве мечтали ещё в Серебряном веке, но тогда не было технических предпосылок для его воплощения. Интернет как среда ещё далеко не осмыслен и творчески не преобразён, это больше хаос, нежели космос; скорее потенция, чем актуальная культура.

Для описания и осмысления новых возможностей, что несёт человеческой культуре глобальная Сеть, должна быть проделана серьёзная научная, культурологическая и философская работа. Есть два свойства Сети, имеющие колоссальное значение для нашей темы: 1) отсутствие разделяющего фактора пространства; 2) вовлечённость в процесс писательства огромного количества

людей. Есть более-менее очевидные возможности, вытекающие из этих свойств, например: возможность созидать общий проект с людьми, с которыми нет контакта на физическом плане; причём созидать в реальном времени; последнее открывает и новые жанровые перспективы для различных импровизаций, литературных и не только. Но есть и тонкие, не вполне очевидные вещи, на них я и остановлюсь чуть подробнее.

Проще всего показать на личном примере. Есть у меня такой старый литературный герой, Слава Сумалётов⁹. Он обнаружился в моём писательском хозяйстве давным-давно и работал там автором своих произведений, отличающихся от моих и по жанру, и по стилю. Много лет Сумалётов существовал в реальности индивидуального творчества, но в Замке он (и я вместе с ним) попал в иную реальность, с иными свойствами – в *реальность интерактивно-коллективную*. И здесь он обрёл второе дыхание, стал настоящим автором, таким, какой только смутно угадывается в наших старых с ним текстах. Я уже чётко научился разделять свои реакции и его в интерактиве. И над его реакциями я уже не властен. Могу, конечно, выключать его, как лампочку в комнате (заткнуть рот ему, проще говоря), но предвосхитить и направлять его тексты не могу никак. Они рождаются спонтанно, словно сами собой, без моего вмешательства. Это очень интересно и невозможно объяснить тому, кто не вошёл в процесс. Я уверен в одном: такое может происходить только в интерактивном и коллективном пространстве. В индивидуальном творчестве – нет, там другой процесс. Качественно другой.

Но и это ещё совсем не то новое, о чём стоило бы говорить как о новом жанре. Если Сумалётов появился давно и в индивидуальном писательстве, хотя и обрёл здесь свою вторую жизнь, он привязан вербально только ко мне. Но в нашем интерактиве стали обретать своё лицо и другие персонажи. Никто их не «планировал» и не «выдумывал». Они словно выросли непроизвольно из самого коллективного текста. К некоторым из них приложили руку несколько человеческих существ, то есть в этих персонажах, родившихся в Замке, есть часть души разных авторов. Мы этот жанр назвали «интерактивным театром». Пока он существует в самых простых формах, бурлеска, скоморошества, но я верю, что у интерактивной драматургии большое будущее. И невиданные возможности. Ничего подобного я в литературе не встречал. Не в смысле коллективности текста (это бывало и не раз), а в смысле его интерактивности, импровизационности, независимости пишущих один персонаж друг от друга, незаданности его сценарием и (что самое главное!) *вплетённости в гипертекст всего портала, и не только в вербальный гипертекст*.

И это, как оказалось, тоже ещё не всё новое. Некоторые персонажи, воплотившись в Замке, стали заселять и параллельное литературное (индивидуальное) пространство – эпопею Капитана Браммы¹⁰ (автор Вадим Булычёв¹¹). А из мира Капитана в Замок пришёл свой персонаж. Такого точно

9 См. <https://rmvoz.ru/sobor/avtory/slava-sumalyotov/>

10 См. <https://lib.rmvoz.ru/bigzal/kapitan-bramy/kniga-pervaja>

11 Булычёв В.В., писатель, член редколлегии портала «Воздушный Замок», Николаев. <https://rmvoz.ru/sobor/avtory/bulychev-vadim/>

никогда не было: мы наблюдаем взаимопроникновение не просто двух литературных реальностей, но и двух мифов. В их пересечении создаётся «мистическое напряжение»; не знаю пока, как «это» назвать по-другому.

Дело в том, что и Воздушный Замок, и Капитан Браммы имеют прямое отношение к грандиозному мифу – к Розе Мира. Замок же непосредственно включён в *рм-драматургию*, в тот процесс, что идёт в Сети уже больше 15 лет и в который активно было вовлечено несколько сотен человек. Эта рм-драматургия мистически очень насыщена. В ней форумные персонажи и живые люди переплетены до нераздельности и до глубинной трагичности. Реальный человек может становиться рабом персонажа, заложником роли. Душа в таком интерактивном Солярисе претерпевает мощные мистические влияния, как светлые, так и тёмные. Случаются сумасшедшие совпадения и страшные метаморфозы.

Вот последнее – воистину новое! Это дыхание не просто нового искусства, но новой эры, новой культурной атмосферы. Со стороны это всё выглядит обычными форумными текстами. И если бы мне кто-то попытался описать этот творящийся на наших глазах жанр, я бы ничего не понял, пока сам не окунулся в него. В интерактивном искусстве невозможно быть сторонним наблюдателем (поймёшь лишь самое поверхностное и несущественное в нём) – но можно стать непосредственным участником этого действия-мистерии-драмы-мифа. Ничего подобного в литературе не было никогда. Да и в культуре в целом.

Интернет-форум не просто площадка «для поговорить», но коллективное вербальное пространство, обладающее своей энергетикой и воздействующее на душу. Это утверждение ещё можно попробовать объяснить научнообразно или психологически. Но далее я сделаю одно утверждение, которое, наверное, многих отпугнёт фантастичностью, хотя мне оно уже представляется простым отражением той реальности, с которой и я, и мои коллеги столкнулись опытно.

В интерактивном пространстве Сети формируется некий разумный эгрегор, некий Солярис, который вступает в личностные отношения с каждой человеческой душой, вербализирующей себя в нём. Формируемый человеком виртуальный образ оказывает сильнейшее обратное воздействие на его душу и на реальную жизнь. А в интернет-ресурсах, имеющих своё лицо, свой замысел и свою судьбу, информационно воплощается уже личностная духовная сущность. То есть, живое иномирное существо; причём его душа соборной природы и складывается во многом из душевных излучений активных участников процесса. Речь идёт не просто о влиянии на участников ресурса какого-то духа, но о буквальном его воплощении там: как воплощается в биологическом теле душа, так здесь она воплощается в теле информационном.

Такое иномирное существо неспособно воплотиться в материальной среде нашего мира, но в виртуальной информационной среде, оказалось, способно. И это существо может обладать огромной силой воздействия на цепь случайностей. И быть как светлой, так и тёмной природы, катализировать как благие, так и злые качества в соприкасающихся с ним через вербальный состав души, оставляемый ею в публичном информационном пространстве.

Публичность здесь имеет такое же решающее значение, как интерактивность и коллективность этого пространства.

Солярис бывает жесток. Вернее, жесток не сам Солярис, а те зримые образы, которые при его посредстве берутся из души и мучают её – как нечто внешнее. Механизма же *зеркальной инверсии* при возникновении этих образов человек не понимает и не принимает. Его слепотой и пользуются те сущности, которым на руку скрывать и свою паразитарную природу, и свои цели. Светлый и творческий дух действует через Солярис совсем по-другому: как вдохновляющий и помогающий – открыто, через образы искусства, живое общение и поразительные совпадения (телеологическая цепь случайностей) в судьбе. Такие удивительные совпадения происходили уже со многими насельниками нашего виртуального Замка и не перестают поражать воображение.

Дух места – это и есть то, что определяет духовный облик и смысл (логос) ресурса и придаёт ему качественную направленность и жизнеспособность. У этого духа есть, как у любой личности, своя цель, свой замысел и свой путь. Однако большинство любителей интерактивной писанины совершенно слепо к духовному содержанию того пространства, в которое окунается...– просится сказать, с головой, но на самом деле – душой. Окунаются в интерактивный Солярис всей душой, лишённой той защиты, что предохраняет душу от прямого воздействия на неё различных духовных и мистических сущностей в косной материальной среде. В виртуальном пространстве такой защиты нет. Поэтому душевные процессы идут здесь с резко возрастающей интенсивностью и контрастностью, как созидательные, так и разрушительные.

Здесь сказывается, видимо, отсутствие физического пространственного фактора как такового. Всё происходит в чистом времени, обладающем повышенной плотностью. В каком-то смысле виртуальное пространство и есть пространство времени, и человек в таком Солярисе *пишет* свою душу. Интерактивность же даёт возможность участвовать в одной и той же мистерии как бы в разных потоках времени: в роли зрителя, автора, персонажа, режиссёра, сценариста, – свободно переходить из одной ипостаси в другую. Что создаёт неслыханную полноту проживания творящегося действия, его драматургии. «Четвёртая стена», отделяющая реальную жизнь от происходящего на сцене, исчезает: вместе с литературными героями в состав новой драматургии входят их авторы, а также читатели, вдруг пожелавшие сказать в ней своё слово.

В интерактивном Солярисе происходит с реальным человеком то же, что в мифе Вадима Булычёва «Капитан Браны» при попадании героев в аномальную зону. Различие только в том, что герои эпопеи осознают и пытаются осмыслить случившуюся метаморфозу, учатся различать духов, которые входят в аномальной зоне в общение с тобой непосредственно – как существа, имеющие зримый телесный образ. А в интерактивном Солярисе с массами вошедших в него и активно вербализирующих там свой душевный состав коллизии переформатирования психики протекают на бессознательном плане, скорее всего – в состоянии физического сна.

Человек буквально просыпается другим – этические и эстетические оценки меняются на прямо противоположные. Человек чувствует, что с ним что-то произошло, и пытается искать причину в других людях, относительно которых он вдруг так неожиданно и сногсшибательно «прозрел». Драматургия Соляриса, твоя роль в ней, а также *смысл зеркального отображения образов, взятых из собственной души*, остаются вне сознания. И тут разуму приходится возводить какие-то логические (а на поверку – дико абсурдные конструкции), чтобы хоть как-то объяснить себе столь разительную перемену в своих же оценочных критериях. Разделительная граница между литературой, театром и твоей жизнью перестаёт существовать.

Мы были бесконечно далеки от осознания возможностей и опасностей интерактивного искусства, когда решили вместе осуществить в общем-то простую идею – сделать форум литературой, а ресурс – произведением искусства. Всё остальное, что я попробовал тут рассказать (понимая прекрасно, что извне это описать почти невозможно, что это постигается только в процессе), – очередная попытка как-то осмыслить то, что происходило с нами за эти годы, было прожито опытно и подтверждено целым сонмом эмпирических фактов и невероятных совпадений и встреч.

И последнее, что хочется отметить. Это очистительный момент в искусстве. В таких творческих сообществах, как «Воздушный Замок», воспитывается бескорыстное отношение к плодам своего творчества. На практике опровергается тезис, что эффективно и плодотворно работать человек может длительное время, только если он имеет при этом и свою личную материальную заинтересованность. Наоборот, нам приходится платить за свою творческую свободу, зарабатывая деньги в той социальной системе, для которой совместный труд, за который не тебе платят, а ты – за саму возможность трудиться, является в лучшем случае отклонением от нормы или чудачеством. На мой взгляд, такие внесистемные примеры человеческих отношений и человеческого труда сейчас как нельзя актуальны.

Заключение

На конкретных примерах многогранных соборных кристаллов нового искусства, только-только зарождающегося, пусть пока в зачаточном виде, можно показать, в чём его принципиальная новизна и в чём органичность для эпохи Диалога (эпохи Розы Мира). На примере истории становления портала «Воздушный Замок» мы вкратце рассмотрели эти новые качества времени и попытались показать за счёт чего они реализуются:

- 1) изменение роли читателя с пассивной на интерактивную;
- 2) неизмеримо более тесное взаимодействие творческих индивидуумов (за счёт исключения разделяющего фактора пространства и за счёт сотворчества в одном совместно создаваемом целом);

3) взаимопроникновение жанров и методов познания, способствующее объёмному мировосприятию (за счёт минимизации влияния материально-косной среды в том числе);

4) взаимопроникновение разных литературных реальностей друг в друга и творчество общего мифа, способствующее развитию мистического и космического мироощущения;

5) изменение приоритетов между индивидуальным и коллективным, способствующее восприятию индивидуального творца как грани соборного кристалла, а не как самодостаточного;

6) мистериальная сторона нового искусства – некий Солярис, размывающий границу между реальной жизнью и произведением искусства;

7) возможность информационного воплощения определённых духовных сущностей в соборном интерактивном пространстве.

В совокупности эти качества нового искусства моделируют новые социальные и мировоззренческие структуры, воспитывают на практике иное отношение к индивидуальному и общему, к своему и к другим культурным, религиозным и социальным типам – как граням и разным проекциям одного объёмного целого, различия между которыми являются необходимым условием существования и твоей грани, без этого целого и этих различий не существующей.

В соборных произведениях нового искусства, состоящих из различных автономных творческих единиц и их взаимосвязей, моделируется (по фрактальному принципу) новое отношение и глобальных феноменов друг к другу: религий, культур, наций, политических и экономических формаций, человека и природы. Эти изменения в глубинах человеческой психики отвечают Духу Диалога и без них никакой подлинный диалог-ансамбль систем невозможен, но лишь его инфернальная карикатура – универсальная система с эгоцентрической установкой воли «всё не-я должно стать мною». Последняя же может привести глобализирующееся человечество только к тирании, к новой инквизиции, а потом – к войне всех против всех.

Ведущие тенденции в современной культуре позволяют, на наш взгляд, сделать вывод, что кардинальное изменение социальной роли индивидуального и соборного творчества неслучайно, но является признаком вступления человечества в новую эру. Умаление роли писателя в обществе (той роли, какая была у него во времена Гоголя и до конца 20-го века) не означает, что грандиозное влияние искусства и литературы на жизнь общества осталось в прошлом. Это лишь переходный период – к ещё большему влиянию, за счёт непосредственной вовлечённости в творческий процесс миллионов читателей.

VII

Солярис как зримое отображение выбора между Раем и Адом

Мне видится совершенно неслучайным, что в форумной теме¹² об интерактивном Солярисе возникла параллельная дискуссия о преломлении Рая и Ада в человеческой культуре и о невероятной сложности изображения Царствия Божия («всё получается какая-то слащавая скука»).

Понятно, что Ад, как более примитивная система даже по отношению к нашему миру, и описывается легче. А высшая реальность Рая неизбежно примитивизируется и искажается, что оставляет впечатление неподлинности (фальши, скуки). Но есть и другие причины, почему Рай видится нам скучным и почему читать описания Ада интересней.

Даниил Андреев описывал некую инфермальную бюрократию (хранителей кармы), ответственную за распределение душ по слоям инферно. Может быть, такая бюрократия уместна в Аду, но выбор между Раем и Адом душа совершает абсолютно свободно. И эту свободу выбора между Раем и Адом мы теперь можем наглядно видеть в Интернете. То, что одним представляется нормой и свободой, для других – невыносимая скука и внешний диктат. И несмотря на все издержки, выбирается адская норма, потому что райская отвращает ещё сильнее.

Интернет в буквальном смысле слова спроецировал в реальность нашего мира некоторые возможности и новые степени свободы из Рая. Соответственно и повысил риск трансформации их в проекцию Ада. Как создатель Ада есть «обезьяна Бога», так и созданный им антикосмос есть не что иное, как «карикатура на Царствие Божие». То же окарикатуривание могут приобретать в нашем срединном мире свойства мира Высшего, превращая райские возможности в адскую актуальность.

Например. До эпохи Интернета публикация книги была сопряжена с преодолением различных трудностей, связанных с необходимостью материального носителя и его размножения в копиях. В Раю же любой творческий акт становится *мгновенно* достоянием всех. Ту же возможность дал нам Интернет. Вернее, симитировал эту возможность, так как подобная свобода от материального носителя обусловлена не естественным порядком вещей, как в Раю, но мощнейшим техническим аппаратом. Отсюда вытекают такие издержки, что в несколько степеней повышают риск превращения райского качества в адское безобразие с одной стороны и с другой – возможность при определённых условиях в одночасье ликвидировать даже ту степень свободы, что была у человека до обретения им новых степеней свободы.

Безобразию достигается открывшейся дверью для публикации каждому желающему, без какого-либо отсева. Количество размывает качество и делает крайне сложным встречу писателя со своим читателем. При всей скудости старых носителей и суженности выбора такая встреча была сопряжена с

12 См. в интерактивной книге Воздушного Замка: <https://rmvoz.ru/forums/index.php?topic=4535.0>

принципиально преодолимыми трудностями. Да, решить проблему качества могут в Интернете коллективные ресурсы, что ставят качество безусловным приоритетом над количеством (это, кстати, видится многими как авторитарный произвол и отвращает от таких ресурсов).

Но если в прежние времена книга, разошедшаяся в мире, была практически неуничтожима. И никакая тирания не обладала такой силой, чтобы изъять книгу из мира совершенно, не оставив нигде ни одного её экземпляра. И только благодаря этому свойству материального носителя дошли до нас многие и многие произведения человеческой мысли. То в Интернете можно одним нажатием кнопки удалить неудобный ресурс, несмотря на то, что он присутствует одновременно в миллионах домов. Точно так же можно сделать недоступными даже его сохранённые копии. Более того, новые возможности и степени свободы, что даёт Интернет как проекция свойств Рая, могут обернуться в нашем мире возможностями такой тотальной слежки, какие и не снились тираниям прошлого.

Абсолютная интерактивность Рая может стать в нашем мире абсолютной самоизоляцией Ада. Здесь уместно вспомнить формулу Владимира Соловьёва: *«Критерий достойного или идеального бытия вообще есть наибольшая самостоятельность частей при наибольшем единстве целого»*. Соборное единство Рая достигается максимальной неповторимостью и незаменимостью каждой личности, свободно и по любви ставящей целое приоритетом. Если же индивидуальное становится приоритетом, то прежде всего исчезают неповторимые, уникальные черты в самой индивидуальности. И чем больше делается упор на индивидуальном, тем менее индивидуальными становятся индивидуумы. А единство их достигается формальными безликими рычагами, например тиранической властью денежного критерия, ставшего универсальным в неолиберальной системе взамен утративших свой авторитет иных структурирующих социум иерархий. Проследить утрату индивидуальности можно и в описании inferнальных слоёв в мифологии Даниила Андреева: чем ниже слой, тем меньше индивидуального в каждом его насельнике и тем жёстче внешнее единство.

Те же две полярные тенденции можно теперь легко рассмотреть в общечеловеческом зеркале Интернета. И в этой виртуальной реальности мы видим, что выбор между райской содержательной свободой и формальной свободой адской совершается абсолютно свободно: что одной душе видится радостью, то другой – скукой. И наоборот.

Да, появление в человеческой культуре новых степеней свободы и немислимых возможностей творческой реализации и коммуникации – это ещё и огромный риск превращения срединной культуры в антикультуру. Этот риск вытекает из возраста человечества – как серьёзнейшее испытание духовной зрелости. Выдержим ли мы это испытание – зависит только от выбора каждого из нас. И этот выбор мы делаем намного свободнее в открывшемся интерактивном культурном пространстве, чем в прежние исторические стадии. Пока – свободнее, если не используем свою новую свободу во зло и она не обернётся новой формой тирании, превратив наш мир в адское зеркало.

Интерактивный Солярис и есть зримое отражение выбора души, совершаемого ей в реальности *времени-слова*, дающей как новые возможности, так и лишаящей душу привычных защитных оболочек косной материальной среды. Как в посмертии душа становится «голой» и совершает свой выбор между Раем и Адом свободно, так и в виртуальном Солярисе душа имеет дело только с теми образами, что породила сама, а не внешний материальный мир. Отсюда справедлив вывод: каким станет всечеловеческий виртуальный Солярис Интернета и по каким принципам структурируется, таким же станет и так же структурируется само реальное человечество.

2017

VIII

Интерактивное творчество как богопознание

Мою мысль о конце эпохи индивидуального творчества нельзя понимать формально, как замещение его коллективным. Также нельзя понимать формально интерактивность восприятия произведений искусства как возможность оставлять свои комментарии. И то, и то существовало и раньше, речь же идёт о новом качестве, о глубинном социальном и культурном запросе, связанном с самой сутью новой эры – с возвращением в светскую культуру религиозной вертикали, а в религию – не просто оправдания человеческого творчества, но понимания его как долженствования перед Богом, как *духовной практики*, не менее ценной для спасения души и для *богопознания*, чем молитвенная и аскетическая. Более того, без духовного опыта, который даёт только творчество, религиозный путь *как диалог души с Творцом* оказывается с определённого момента человеческой истории закрыт. Человечество вступает в тот возраст, когда без ответного человеческого творчества на Божий призыв религиозная жизнь теряет смысл и выхолащивается до мёртвого формализма. Новый возраст человечества и есть вступление его в новую эру, в следующий этап исторической жизни.

В последние два-три десятилетия становится всё зримей тенденция: в душе массового читателя (зрителя, слушателя) нет более запроса на «властителей дум». Ничего даже близкого такому феномену, как например Владимир Высоцкий, не может быть больше. Не только в жанре песни или поэзии, но практически в любом (кроме коллективных). Нет запроса в человеческих душах на «властителей дум», потому что его нет Свыше. Это не значит, что нет талантов. Это значит, что изменилась эпоха. Люди не хотят больше *пассивно* внимать кумиру, даже гению. Люди хотят интерактивного участия, собственного творческого акта. В этом подсознательном желании не внимать только, но и творить самому и проявляется веяние новой эры, и оно глубоко оправдано.

Отсюда и все эти тысячи и тысячи авторов в Сети, не слышащих друг друга. Все хотят быть писателями, а не читателями (анекдот про чукчу не читателя, но писателя оказался пророческим). Отсюда и мода на реалити-шоу, блоги, сумасшедшая популярность соцсетей и т.п. Это тенденция.

Интерактивное творчество для масс и стадионов невозможно – оно неизбежно скатывается в примитив, плоскую карикатуру или пошлость. Но то интерактивное творчество, когда люди слышат и понимают друг друга, когда размывается граница между искусством и реальной жизнью, осуществимо только в небольших лакунах, небольших сообществах. Это и есть те кластеры или соты, или фракталы, где всходят ростки новой культуры, формируются модели новых социальных отношений. И только в таких небольших лакунах возможно иное качественное взаимодействие художника и зрителя, поэта и читателя, действительности и мифа. Через локализацию творческих сообществ осуществляется массовое вовлечение человека в интерактивное культурное

творчество, качественное, глубокое, дающее новый духовный опыт и обогащающее его, исполненное религиозного смысла. Локализация – необходимое условие для осуществления новой религиозно-культурной жизни.

Потребность в интерактивности напрямую вытекает из диалогического духа Розы Мира. Любая новая эра – это новая ступень самопознания и богопознания, качественный скачок духовного опыта. Это качественный скачок внутри личности и через непосредственно переживаемый ею опыт. Вовлечение огромного числа людей не в пассивное созерцание произведений искусства, а в творческое участие в их создании является необходимым условием для перехода в новую историческую и культурную реальность. А для такого вовлечения не нужны «властители дум», но нужны новые формы и новые структуры, великое множество различных интерактивных лакун в культуре, в которых люди могут в небольших коллективах совместно творить искусство. Причём индивидуальное творчество не должно в таких структурах подавляться коллективным, но раскрываться в большей полноте за счёт *общения*. Общение приобретает тоже новое качество и само становится искусством. Получая новый опыт, который был немислим в индивидуальном творчестве, люди обретают не только новое качество самопознания, но и богопознания.

Ещё в юности я вывел для себя формулу: «Понять художника может только художник, любить Творца может только творец». Богопознание через личное творчество открывает душе человека такое понимание творческой природы Божества, какое не может дать ни соблюдение постов, ни церковные таинства, ни чтение Библии, ничто, кроме глубоко индивидуального переживания восторга и муки творчества. Этот опыт богопознания через эмансипацию личности и её творчества и был главной заслугой гуманистической эры, её духовным достижением и религиозным богатством, пусть на уровне дневного сознания человек гуманистической эры и скатился в атеистическую плоскость. Кто же по сей день видит главным движущим стимулом художника – самовыражение или тщеславие, тот ещё по-настоящему не пережил экзистенциальный опыт творчества – как ответа на Божий призыв (твое призвание).

Но в личном творчестве всё по большому счёту зависит только от тебя, от того, насколько ты смог раскрыть дарованные тебе Богом таланты. Отклик на твоё творчество других людей уже не зависит от тебя, и в этом отклике – как добром, сотворческом (ощущение своей нужности), так и в равнодушии современников, их глухом непонимании и твоём одиночестве тоже содержится элемент богопознания. И всё-таки личное творчество не даёт внутренне, эмоционально и духовно пережить одну грань богопознания, и очень существенную, особенно для христианского понимания отношений Творца и творения.

Творчество «Воздушного Замка» – и как уловленного Замысла, и как личного деяния, и как общения и сотворчества, и как соборного содержания – это иное качество опыта, иной уровень свободы, иная степень творческого риска. Я

воспринимаю портал «Воздушный Замок» как лучшую из своих поэм, как поэтический ансамбль (если не понимать поэзию исключительно вербально). Это совершенно другой уровень творческого делания, нежели индивидуальное писательство. Здесь далеко не всё зависит от тебя, более того – от тебя напрямую не зависит конечная судьба Замысла. Целые пласты, целые главы этой поэмы, без которых она не состоится вообще, – это творчество других людей, их свобода.

Ни с чем не сравнится восторг удивления от появления в этой поэме новых глав, раскрывающих новые грани Замысла и написанных другими, не тобой. И также ни с чем не сравнится боль от угасания или от недопроявленности тех глав, которые необходимы Замыслу, без которых он не может реализоваться и которые должны написать другие люди. И ты никак не можешь ни заменить их, ни повлиять на их свободу. Судьба твоей главной поэмы, итога всего творческого пути, к чему ты шёл десятилетиями, теперь зависит от других людей, от того, откликнется ли их свобода на тот Замысел, что стал и твоим личным смыслом жизни. Доверить другим людям конечную реализацию своего творчества – это тот рискованный шаг и тот опыт, который невозможно совершить в индивидуальном порядке и который никакое индивидуальное творчество не даст никогда.

И у тебя нет никаких рычагов влияния, кроме слова и личного примера, нет даже тех рычагов, что есть у любого редактора журнала или режиссёра: нет финансовых или карьерных способов воздействия на участников совместного делания. Только вера и только по вере, только свободный отклик на Замысел, свободная и бескорыстная самоотдача, требующая к тому же немалых и длительных усилий, труда и терпения, самосовершенствования и внутреннего огня. Никакие старые аналогии не работают. «Редактор портала» или «режиссёр интерактивного театра» так же не отвечает смыслу предмета, как и «администратор». Если и проводить аналогию, то, наверное, «архитектор Воздушного Замка» ближе всего к сущности процесса. Хотя никаких рычагов управления, что есть у реального архитектора, в твоём распоряжении нет. А есть только видение Замысла, диалог с ним и общение с другими участниками мистерии. Общение – ставшее творчеством. Есть и техническая сторона, как в любом искусстве, и организационная, как в любом коллективе, но всё опирается только на доверие, всё в итоге зависит от бесконечно свободного и неповторимого ответа каждого на призыв Целого.

В этом отличие соборного целого от коллективного (например, государственного): в соборном целом никто никого не может заменить, каждый неповторим, и без него целое не состоится. В государственном целом первична не личность, но ячейка в структуре, где вполне может заменяться одна личность другой.

Соборное творчество – это качественно иной уровень духовного взаимодействия, который открывает новые пути богопознания – на лично переживаемом и проживаемом опыте, – те пути, какие не может открыть и дать прочувствовать ни опыт индивидуального творчества, никакой другой духовный опыт вообще. Божий Замысел о мире не состоится, если человеческая

свобода не даст Богу творческий ответ, не напишет тех глав в Поэме Вселенной, которые не сможет написать никто кроме человека и без которых эта Поэма умрёт. Принять и прочувствовать эту формулу богопознания не как умозрительную, но как свою личную жизнь и судьбу – стало необходимо для перехода человечества в новый возраст, в новую эру. Прочувствовать на своём личном опыте страдание и одиночество Творца, если человек не отвечает Ему творчески, должны миллионы. А это возможно только на опыте коллективных проектов – интерактивных произведений искусства, в созидании которых нет никаких иных рычагов, кроме общения и веры. И судьба творческого индивидуума зависит от реализации соборного целого, то есть – от каждого участника общего Замысла.

В многочисленных, разнообразных и небольших лакунах новой культуры и будет приобретаться людьми такой неповторимый *опыт богопознания*. И этот опыт будет состоять из взлётов и падений, радости понимания и узнавания, трагедий отчуждения и предательства. Мы созрели для перехода в иной возрастной этап. И в этом смысл Розы Мира как постгуманистической эры.

2017